

Граница Пустоты ~ Сад забвения ~

Перевод с японского: **Каэне**

Редактура: **Rosetau**

Эдит: **Ева**

■ Пролог (12:00 — 13:00).....	3
■ Часть первая (9:30 — 11:30)	6
■ Часть вторая (14:00 — 16:30)	20
01.....	20
02.....	20
03.....	23
04.....	25
05.....	27
06.....	28
07.....	30
08.....	31
09.....	32
10.....	33
■ Часть третья (17:00 — 20:30).....	36
■ Финальная запись/	45
■ Послесловие	49

■ Пролог (12:00 — 13:00)

Сео Сидзунэ смотрит с обрыва на мрачный океан внизу.

Солнце уже почти показалось над гладью воды, однако небо оставалось свинцово-черным. Громыхают угрюмые облака.

Наверху словно размешивают липкое варево.

До горизонта простирается непривычный пейзаж.

Океан, который не окинешь одним взглядом, уже перестал быть океаном.

В общем, он практически пересох.

Сейчас, кружа в большом водовороте, морская вода быстро обнажает дно, потому что каких-то три дня тому назад Земля треснула и сплющилась.

Она была похожа на пустую пластиковую бутылку под каблуком. Никто не знал, как так вышло. Вопили, что упал метеорит, что сдвинулась земная кора, но времени на прояснение или противодействие нам, людям, не осталось.

Многолюдная столица впала в хаос. Мы заранее знали, что так будет, и покинули города, покуда не началась паника, решив встретить конец света на этом как-его-уступе на самом краю страны.

Откуда мы знали заранее? Мы умеем видеть будущее. Но и только.

Мы не знаем, что делать дальше, как все исправить. Поэтому вся помощь, которую мы могли предложить друзьям, — выбрать смерть поспокойнее... предложить варианты укрытия.

С распада Земли и людей прошло три дня.

Мы, пять девушек, убежавших сюда, друг друга выручали, утешали, ругали и ненавидели, а под конец убивали — и вот я стою здесь, смотрю на мрачный океан.

Если обернуться, можно разглядеть, где валяются весь перекрученный труп Азаки-тян и пепельное тело Асагами-сан. Одзи-семпай сказала, что вернется в столицу, и сейчас уже стала добычей обезумевших толп.

Я осталась одна, но и это лишь на несколько минут. От потери крови из иссеченных ножом рук и ног я тоже скоро свалюсь на землю и больше не встану. На фоне мерцающего сознания я вспоминаю, как мы до этого докатились.

Да. Мир закончится до рассвета.

Сео Сидзунэ сонно наблюдает за финалом.

В уме всплыл не вопрос «отчего», а только негодующее «почему».

Пусть этот свет погаснет. Как пройдет день, так же безапелляционно кончится и все остальное, с этим я могу смириться. Что тут скажешь, не так уж долго я и прожила. У меня нет пылкого духа Кокуто Азаки; я рутинно забывалась в веренице дней. Поскольку в рутине не было особого смысла, то и бессмысленный конец света мне виделся логичным и закономерным. Другие называли бы меня слишком серьезной, но на самом деле я-то недочеловек. Небрежно узнавала, что будет дальше, вот и человек вышел небрежный, — не вовремя приуныла я.

Но я и занавес мира — разные темы. Пусть кончается мир. Да хоть прямо сейчас. Только вот чувство незаконченности не проходит.

Я вдруг задумалась: почему финал всегда такой печальный?

Пусть ненавидим друг друга. Пусть топчем дружбу. И нож в спину, и уход как безымянной жертвы — это просто глупо, но я это стерплю. Даже если лично меня бросят, если чье-то забвение не сохранит запись, но при этом конец большинства людей будет хорошим, — я смогу согласиться и с таким итогом.

Но как бы благословенны ни были дни, приходит финал — и все насмарку. Что бы ни случилось, всему наступает конец; если нельзя оправдать это неожиданное завершение, то можно было хотя бы сделать его благостным для многих...

Я так и не смогла избавиться от грусти, от тоски, а океан полностью пересох, как ванна без пробки, и земля распалась и осыпалась вовнутрь.

Что ж, это тоже конец света.

Я тихо закрыла глаза.

Часть первая (9:30 — 11:30)

■ Часть первая (9:30 — 11:30)

Бежим по предрассветному лесу.

Бежим по привычному лесу женской академии Рейен. Убегаем.

— Ай!!!

Но леди Обуза с ненатуральным воплем валится наземь.

Неловко споткнулась о корень и с разлета ныряет в грязь.

— Ну же, Сидзунэ! Да еще и головой умудрилась?!

Угу, спасибо за заботу, Азака-тян.

— Сео-сан?! Что же вы доставляете нам хлопоты в самые неудобные моменты? Я попрошу последовать моему примеру и хоть немного вести себя, как подобает леди!

И Одзи-семпай, как всегда не к месту и некстати.

Впрочем, обе... и Кокуто Азака, и Одзи Мисая остановились впереди меня и повернулись.

На их лицах — напряжение. Они в затруднении. Впрочем, все наше положение затруднительно.

Как ни крути, а за нами гонится десяток зомби.

— Ай, ой, ой-ой-ой!..

Суетливо пытаюсь подняться, но дрожащие руки не двигаются.

И смелости крикнуть «бегите без меня» не хватает.

Совсем рядом слышен грозный топот.

С шуршанием раздвигая подлесок, появляются прогнившие насквозь живые мертвецы.

Расползающиеся пальцы хватают меня за щиколотки протянутых ног. Стремясь отведать живой плоти, труп неведомого человека опускает лицо к девичьей шее.

Эх, так и знала.

Опять этот переплет. Опять это будущее. Этот итог. Раскаиваюсь.

Мы и на этот раз так и не нашли главной темы, но что-то фатально недопоняли.

— АзоЛто!

Незамедлительно последовал судьбоносный удар.

Электрический разряд на миг зажег ночной лес. Длинные волосы Кокуто Азаки взметнулись, словно хвост кометы.

Переменил гибельную судьбу не кто иной, как моя подруга, Кокуто Азака.

Она быстро вернулась к мертвому, что тянулся к павшей добыче, Сео Сидзунэ, и вмазала ему кулаком в лицо. Бух! — взлетел горячий протуберанец.

То ли это свойство ее перчаток, а то ли черта характера. Стоит отметить, что эта девушка может поджечь все, к чему прикоснется.

За семь дней до того, как мир стал таким, она спокойно так выдала: «А чего в этом такого уж чудесного? Скучная способность, получше зажигалки, похуже огнемета, не о чем говорить». Вообще-то обычно люди не поджигают предметы с кулака, но раз она так считает, то это должен быть подчиненный некоей логике феномен.

Кокуто Азака, как и Сео Сидзунэ, на втором году обучения в женской академии Рейен. Семнадцать лет.

Черты лица обманчиво роднят ее с аристократическими леди, однако само лицо очень эмоционально и просто-таки бьет жизненной силой. Крепкий характер, море эмоций, чувство справедливости — безукоризненный материал для главной героини. Наверное, до последнего вздоха правильный человек, все ровесницы думают, мол, неплохо бы попробовать пожить как Кокуто-сан.

— Сидзунэ, скорей вставай! Они же сползаются!

— А, спасибо, Азака-тян! Но у нас так убежать не получится!

Но даже такая особенная Кокуто Азака не может противиться судьбе.

Ей следовало бежать в одиночку.

Одним тем, что она остановилась и вернулась на помощь подруге, она отрезала себе путь к отступлению.

Нас обступают мертвецы.

Широкоплечий мужчина. Светловолосый красавчик из тех, кого тяпнули, как раз когда они приехали на пикник. Знакомые девушки из Рейен. Сестра-монашка, еще семь дней назад бывшая строгой, но справедливой. И тэ дэ, и тэ пэ. Короче, ранее совсем другие по внутреннему содержанию люди сейчас в едином порыве гонятся за теми, кто еще жив.

— Не убежать — в смысле, нам крышка?

— Азака-тян, если будешь меня защищать — тебя укусит второй. А если будешь драться, но не защищать, — пятый прикончит.

— Ох, зачем ты мне сказала? А будущего посветлее не видно? Скажем, появление брата на белом коне, мчащегося на выручку сестре?

— Угу, такое на складах закончилось. Но не волнуйся. В любом случае жить осталось если не пять минут, то не больше часа. Даже если сейчас вытянуть, итог о...

— Сколько можно просить засунуть свое пораженчество поглубже в себя?! Отчаивайтесь, когда в итоге останетесь одна!

Кроны деревьев затрепетали.

А что, тоже ветер. Несчетно — может, десятками — *кто-то* промчался по лесу и настиг собравшихся зомби.

— Сгиньте к чертя-я-ям!

Одзи Мисая взмахивает рукой, как дирижер.

Ее присные — *некто*, настигший мертвецов, — вспыхнули, разметались, кусками вырывая тухлятину конечностей и торсов мертвых тел. Сила атаки походила на взрывчатку.

— Ого, Одзи-семпай!

— Благодарите, но и держите себя в руках, Кокуто-сан. В бою существует понятие адекватных мер. Даже для вас, кто не знает равных в ближнем бою, враг — чудовище, и один укус означает конец. Я же предупреждала, что приближение к ним дает им преимущество.

— Да все я понимаю. Ваши феи — против шушеры, а я — против боссов. Однако не ожидала, что у вас был целый рой. Вы же вчера сказали, что всех израсходовали?

— Я, м-м, приберегла на крайний случай. В результате вы спасены, к чему придирки... Хмыкает и пропускает длинные волосы сквозь пальцы — вся из себя старшекласница Одзи Мисая-сан.

На два года старше Кокуто Азаки, красавица того же типажа.

Если в красоте Азаки-сан еще осталась детскость, то у Одзи-семпай — уже флер взрослой женщины. Она высокая, ее жесты, манеры — не девочки, но леди, не принцессы, но королевы. Можно сказать, единственное, чем она напоминает ученицу, — это ее ободок на челке.

История старая, но говорят, что однажды Одзи Мисая была не просто ученицей, но содержала академию Рейен.

Будучи директорской дочерью, да вдобавок предстудсовета, после ухода с должности эта старательная девица определилась в роли замглавы общежития академии. Сео Сидзунэ видит в ней подобие замка, а Кокуто Азака — нечто наподобие кармической соперницы. Но такая вот Одзи-семпай тоже скрывала чудесную особенность. Она могла управлять невидимыми, пятисантиметровой длины существами-«феями» количеством в несколько десятков.

Семь лет назад, признаваясь в своей способности, она говорила так: «Это необычно, но не так уж и странно. Просто пчелообразные организмы низшего порядка, которых глаз человека не воспринимает».

Эти феи по одиночке могут немногим больше пчелы, но их целый рой, они могут устраивать взрывы, поэтому не раз здорово нас выручали. Одзи-семпай одна добралась и

укрылась в общежитии, где объединилась с нами, только благодаря способности повелевать феями. Впрочем, эта королева сейчас не более чем владыка мертвого народца.
— У меня закончились тигрята, но они все же переломили ситуацию. У нас ведь есть будущее, если добраться до учебного корпуса, Сео-сан?

Глубоко вздохнув, Одзи Мисая осматривается с самым беззаботным видом.

— А?.. Гм, ну, как сказать...

— Хотелось бы ясности. Это вы сказали нам, что оставаться в общежитии губительно. Ваша способность к предсказаниям очевидно действенна. Это восхитительный талант, пользуйтесь им смело... Мы могли продержаться в общежитии только до вчерашнего дня; мы не сложим головы, если минует за эту ночь школьное здание и доберемся до гостевого дома на холме, — не таким ли вы сама видели наилучшее будущее?

Одзи-семпай права, у меня есть способность знать будущее. Когда Кокуто Азака и Одзи Мисая раскрыли свои таланты, Сео Сидзунэ тоже созналась, что скрывала особенное умение.

Комментарий от Кокуто Азаки, с которой я жила в одной комнате: «А, все-таки я права. Да, я замечала, Сео похожа на собачку, но иногда ведет себя как кошка... ну, иногда как уставится на что-то невидимое...»

Смешно так описывать, но Сео Сидзунэ — обычнейшая девочка, каких везде хватает. Редкая для Рейен короткая стрижка. Рост обычный, вес обычный... хотя местами не без умиляющей запоздалости развития. Старшеклассницы нередко с любовью говаривали, что она как игривый щеночек.

Единственная дочка в старой, со времен Эдо делающей сакэ семье в Тохоку, что на северо-западе Хонсю. Способна фрагментарно визуально воспроизводить в уме картины из будущего, вот только хотелось бы, чтобы последние полотна были с какой-нибудь другой выставки и из другого кино.

На данный момент важно, что я знаю будущее... то есть итог.

Сегодня на закате. Сео Сидзунэ поведала выжившим подругам предсказание будущего, и те поверили — им ничего больше не оставалось, когда эти сведения столько раз их выручили — и все начали решающий рывок к единственному спасению, гостининому дому. «Там нас хотя бы ждет будущее!» — на такое невнятное предсказание девушки поставили свои жизни.

— Ой, ай, не выйдет все равно, особенно для Одзи-семпай! Только и мелькает, как с ней обнимаются зомби!

— Почему только со мной?! И в каком, прошу прощения, смысле «обнимаются»? Подружески? Или романтично?! — суматошно вскидывается девушка. М-да, с зомби оба варианта хороши.

— В таком, что ваши феи их не перебьют! Они даже с вынутым сердцем двигаются! Вон, эти тоже не умерли! И даже строятся в кольцо и зажимают!

— Какое варварство! Вот она — ярмарка Кокуто-сан!

Одзи-семпай поспешно подбегает к Азаке.

Израсходовав всех фей, она стала бесполезнее меня. Решение спрятаться за Кокуто Азаку с ее наивысшим среди нас потенциалом к прорыву настолько правильно, что плакать хочется.

— Эй! Зачем назад сюда-то?! Можно было одной добежать до здания!

— Я... я не могу о-оставить младших на произвол судьбы! Я понесу Сео-сан, а вас, Кокуто-сан, прошу разобраться с этим, который бежит к нам, путаясь в своих потрохах!

— Фу-у!!! Вот зачем так, неужели нельзя было разбить голову? Даже фейный взрыв может их убить сразу в череп!

— Ну, как же... Ведь куда надежнее целиться в крупную цель, нежели в небольшую.

— Все ясно, не было уверенности, что попадете!..

Кокуто Азака выставила руки перед лицом, чуть склонилась вперед и оттолкнулась ногами. Как боксер на ринге при звуке гонга.

Вмиг преодолев расстояние в два метра, она чуть отвела руку неуклюжего немертвеца, а второй, правой, рукой ударила ему в лицо.

Бух! — полыхнуло.

Правый прямой Кокуто Азаки не так силен, чтобы пробить череп, но она рождает огонь в направлении удара. Там больше двух тысяч градусов. Содержимое черепной коробки моментально выгорает, и активный труп прекращает шевелиться. Зомби может двигаться хоть без сердца, хоть без конечностей, и лишь при разрушении головы, а, точнее, мозга он снова становится мертвяком.

— Уф, фуф, ух...

Но... Без потерь сразив зомби, Азака-тян заметно выдохлась.

Ее загадочный пирокинез не потребляет физических сил, зато сам акт подхода под удар зомби крайне опасен. Зомби — не тот противник, что всегда ляжет с одного удара. В ближнем бою хрупкую девушку Кокуто Азаку печально задавят и покусают.

Даже один на один всегда есть вероятность гибели. Трое случайных зомби, окружив Кокуто Азаку, лишат ее любых преимуществ.

Это ее изводит. Крайняя степень напряжения и, конечно, неприятие убийства, пусть и для выживания, антропоморфных чудовищ мало-помалу подтачивают ее физическое и душевное здоровье.

Поэтому мы и оказались в тупике.

Три девочки, плечом к плечу, а с другой стороны — все еще более тридцати обступающих мертвецов.

— Вот нас и прижали. Ну что, Сидзунэ, будущее видишь?

— Азака-тян, как бы сказать...

— Вот сейчас, Сео-сан, тактичная младшешклассница должна ответить, пусть и солгав: «Сногшибательная победа прелестной семпай!» Впрочем, конечно, констатация очевидных фактов не послужит утешением.

— Одзи-смпай... прошу прощения за бестактность. Вот вам чистая правда — вы так прелестно нервничаете!

Со смешком вспоминаю былые деньки в академии. Даже в текущей ситуации... нет, именно из-за такой ситуации я выговариваю то, о чем до сих пор молчала.

— Ох... Не хотелось бы упоминать, но делать нечего. Кокуто-сан, мы с вами займемся мертвецами из учебного корпуса. В это время Сео-сан проберется внутрь... Согласны?

— Одзи-смпай?!

— Одзи-смпай, вы уверены? Я кое-как управлюсь, если их будет не больше двух, и пойду сразу следом за Сидзунэ! Вы одна погибнете почему зря.

— Говорите что угодно... У меня есть еще туз в рукаве, так сказать. Вы одна превратитесь в зомби, если не повезет.

— Ого-о, уважаю! Сколько у вас этих тузов в рукаве, смпай...

— У истинной леди с собой бесконечное количество тузов в рукаве, так и знайте.

Окружение сужается.

Две школьницы преисполняются решимости стоять насмерть и настраиваются на прорыв.

— Гм-м... — девочка, видящая будущее, смотрит на это дело озадаченно. — Азака-тян...

Я не вовремя, вы тут так раззадорились, но судьба, похоже, переменялась. Кажется, этот фейерверк заметила Асагами-сан.

Обе переглядываются, и одновременно происходит кое-что необычное.

Атака — бум!

Не только собравшиеся вокруг мертвяки, но весь лес покачнулся и накренился.

Земля пляшет. Деревья валятся. Трупы скручиваются, не в состоянии сделать ни шага.

В ту минуту я на себе ощутила, что землетрясение может случиться не только с поверхностью Земли, но и с атмосферой, с воздухом.

— Будьте любезны, все оставайтесь на местах. Я немного побуйствую, — доносится голос из темного леса.

Перед оградой, тянущейся к учебному корпусу, освещенная уличными фонарями, вырисовывается девушка в форме академии.

Тум-дум-тум-дум-тум-дум-тум-дум! — почему-то играют в голове барабаны.

Ночная дымка делает ее появление весьма драматичным.

Кокуто Азака и Одзи Мисая владеют сверхъестественными силами, которые называют волшебством; видение будущего Сео Сидзунэ относится к «сверхспособностям», телесным данным.

А эта девушка совмещает. А может, и еще что-то биочитерское происходит.

Вот она — гордость женской академии Рейен, оружие, искажающее законы физики модели «красавица в японском стиле». Безоговорочно первая в грозности и объемах груди, знаменитая Асагами Фуджино!..

— Скрутись.

С ее губ слетает проклятие.

Покрывало вселенной приподнимается.

Лес вместе с зомби искажается, заворачивается, мир сматывается рулоном.

Выглядело это как конец света... Странное сравнение, но словно бы незримая рука заменяла декорации мира, а старые сминала за ненужностью в ком.

Таковы мистические глаза Асагами Фуджино.

Все, что она видит, может свернуться — любого размера, любой крепости; запредельная сверхспособность.

И вот мертвяки вместе с лесом смяты, как нарезанный сыр, и полностью остановлены.

— Фуджино! Спасибо! Ты нас спасла!

— Простите. Мне следовало бы заметить вас раньше.

Асагами Фуджино неловко улыбнулась.

Ее лицо бледное, как воск. Это Искажение отняло немало ее ментальных сил.

Масштабы разные, но и искажение, и предвидение — операции, проходящие при полном использовании мозга. Считайте, что понятие «ментальные силы» подразумевает сразу нагрузку на структуру мозга, износ и необходимые калории. Если речь только о предвидении, это легко восполняется, стоит поесть какой-нибудь глюкозы; однако на уровне сверхспособности Асагами-сан нагрузка становится заметной невооруженным глазом... В худшем случае, после применения Искращения ее мозг может вовсе пропасть. Стратегическое оружие высочайшей атакующей эффективности, но избирательного применения — вот к какому рангу можно отнести Асагами-сан. Почему я так хорошо это знаю?..

«Простите, неприятная штука, верно?.. Думаю, дело в том, что я, сама как призрак, воспринимала реальность как что-то несбыточное. Поэтому могла людей и пейзажи портить, словно текстуры. Но и это проклятие сейчас приносит пользу, мне кажется. Пожалуйста, позвольте помочь», — так она и выступила, вся такая изящная, неделю тому назад. Поэтому и знаю.

— Вот-вот, Асагами-сан доставила нам хлопот. Взяла и потерялась. Как только мы вышли из общежития, мы места себе не находили. Похоже, кто-то просто хорохорился, что хорошо видит ночью.

Одзи-семпай ядовито хмыкает. Однако всем ясно, что это не от страха собственного тяжелого положения, но от мыслей о безопасности Асагами-сан.

— Прошу прощения за хлопоты... М-м, просто по пути я так задумалась про всех этих мертвецов, которые собрались к общежитию... Они так столпились, я подумала, что это хороший шанс...

— Ты что... вернулась и всех их скрутила заодно с общежитием? — Азака-тян чуть отодвинулась.

— Да. От этого их стало поменьше. Как говорится, одна сеть — покрыты все.

Асагами-сан победно улыбается.

Эта тихоня из тихонь, добродетельная и заботливая идеальная японка порою отважнее и беспощаднее любой из нас.

— В... в общем, давайте пока что скроемся в учебном корпусе. В комнате студсовета должны быть запасы пищи. Ключ у меня есть.

С этим Одзи-семпай возглавила шествие к зданию. Мы, осмотрев друг дружку, — не покусали ли кого, — последовали за ней.

Частная женская академия Рейен, что грубо переводится как «сад воспитания». Школа интернатного типа, строгих нравов, с католическим уклоном, отделенная от сиюминутных веяний мирских, как будто бы даже стерильная.

Она находится в горах далеко от столицы, и ее территория по большей части покрыта дремучим лесом.

Тут нет экзаменов, а выпускаешься сразу в университет; здания средних и старших групп отделены от остальных. Именно здесь проживает около шести сотен учениц — можно без преувеличения назвать это монастырем. Да и напоминающий рясу монашки дизайн школьной формы, я считаю, играет роль в апелляции к общественному мнению.

На этом островке школы для принцесс выжило считанное количество людей.

Положение дел берет свое начало утром восьмого дня. Говоря точнее, свет начал кончаться десять дней тому назад, но в Рейен связь с большой землей запрещена, и мирские новости доходят только через сестер-монахинь, которые, к тому же, не восприняли апокалипсис всерьез.

Изменения настигли нас с опозданием на два дня.

Рано утром перелезли через ворота и попали на территорию несколько посторонних.

Короче, эти посторонние были больны.

Их болезнь лишает людей личности, прекращает дыхательный кислородный обмен, останавливает сердечную деятельность и резко прерывает циркуляцию крови, оставляя тело гнить с летальным исходом.

И, самое ужасное, носители этой болезни, умерев, остаются активны. Разлагающееся тело движется, каким-то образом засекает не заболевших людей и либо неспровоцированной физической агрессией убивает их, разрывая на куски, либо путем укуса передает возбудитель болезни, пополняя ими ряды беспокойных трупов.

В ужастиках это называется «живые мертвецы».

Короче, зомби.

Их называют зараженными.

По словам Одзи-семпай, примерно полгода назад сведения просачивались в новости под ярлыком «новой формы гриппа».

А мы узнали, насколько это плохо, неделю назад, что логично. О таких бедствиях узнают слишком поздно, чтобы что-то сделать.

На то, чтобы женская академия Рейен закишела мертвецами, потребовалось меньше шести дней.

То ли к счастью, то ли к горшим страданиям, Кокуто Азака и другие девушки, которые находились в отдельном классе, пережили первую волну пандемии. Заметили уже после того, как учебный корпус стал липким от крови и плоти недоеденных одноклассниц, а зараженные ученицы уже начали появляться в средних группах.

Первой реакцией было предложение Азаки-тян идти спасать юных среднеклассниц, и мы гурьбой вошли в их здание, полюбовались на необратимую реальность и, крайне огорченные, укрылись в общежитии.

Тогда к нам по случайности присоединилась Одзи-семпай. Она чуть раньше нас пришла за среднеклассницами, но за ней сходу погнались зомби и полезли бы обниматься, промешкай она хоть немного.

Именно тогда Азака-тян и Асагами-сан воспользовались своей силой. В результате Одзи-семпай примкнула к нам и с тех пор разделяет нашу общую судьбу.

Семь следующих дней мы укрывались в общежитии, а какие-то несколько часов назад бесполезная провидица — Сидзунэ Сео увидела наихудшее будущее: все умрут, если до рассвета не доберутся до гостиного дома, что в стороне от здания для старших групп.

— Здравствуйте-е... Да что я, никого здесь нет. Заходите, девочки, все нормально.

— Очевидно, электричество еще подается. Электростанции какое-то время работают и без людей; я думаю, покуда не произойдет несчастного случая, наши лампочки будут живы.

— Блага автоматизации. Эй, Сидзунэ, фонарь не включай. *Они* заметят.

— Здесь это, скорее всего, безопасно. До гостиного дома рукой подать, не стоит перегибать. Все уже наверняка устали; я предлагаю посвятить полчаса чаю.

— Ого, Одзи-семпай и минералку запасла, и электрочайник, и все-все!

— Семпай, а печенья нет? Я бы все состояние отдала за единственную печенюшку.

— Нет, увы. К тому же ваше состояние давно конфисковано... Ах, вся сырая пища непригодна. Остались миндальные бисквиты, но, к сожалению, сейчас нюансы их вкуса и фактуры останутся не востребуемыми. А ведь в Париже сделаны.

— Фошон! Парижские миндальные бисквиты называются «фошон», да? — это я неестественно стараюсь навести веселую атмосферу.

Бисквиты делают на яйцах, но они хранились в миниатюрной морозильной камере, а значит, все пригодно для употребления.

— М-м, подветрели, но все сладкое пригодится. Асагами-сан, возьми.

— Спасибо, Сео-сан. Но у меня еще остались мин-вит-добавки, так что разделите между собой. Я все равно не оценила бы вкуса.

Асагами-сан улыбается с закрытыми глазами, то ли радостно, то ли озабоченно.

Вот такая благородная девица, если вычесть сюр в способностях. А глаз она не открывает потому, что год назад случилась беда, здорово испортившая ей зрение. Она передвигается в одиночку, поэтому не то чтобы она совсем не видела...

Так начался получасовой привал, тихий чайный час.

Впервые за бог весть сколько дней и, может быть, в последний раз у нас образовался банкет. Скрывая тяжесть на сердце, мы отправляли в рот теплый черный чай и черствые, пропащие заморские пирожные.

Снаружи что-то гроыхает.

Я вспоминаю, как в детстве ночью мы закрывали ставни и пережидали тайфун.

Освещаемое колеблющейся лампой, помещение студсовета кажется больше, да и вообще чудится каким-то особенным. Словно мы в кинотеатре.

В сети еще есть люди, которые собирают информацию, выкладывают, обращаются к народу, но три дня назад полностью перестали работать информационные каналы администрации. А может, брошен на произвол судьбы только этот медвежий угол, а в столице готовят меры противодействия. Даже если и так, для меня это ничего не меняет. Я не могу представить, как спущусь с этой горы живой. Не могу даже выдумать это как будущее.

Привычный наш мир кончился десять дней назад. Лидер определен, осталась раздача слонов формата «кто откинется раньше». И в этих условиях мы тихо наслаждаемся каждой минутой счастья, позволяющего еще разок ощутить эту атмосферу.

— Ну, если уж наглеть, то я бы хотела ванную...

— Кокуто-сан, уговор молчать об этом, — Асагами-сан одергивает легкомысленную подругу.

Они живут в одной комнате и понимают друг дружку с полуслова. Где юмор, где всерьез — понятно не глядя.

Взрослеющие девочки — реальная, brutальная штука: пусть кончился весь мир, пусть окружают живые мертвецы, пусть давит гибель всех одноклассниц — не меньше давят и проблемы собственных тел.

Нехватку запасов пищи можно перенести, но грязь и запахи тела невыносимы. Когда мы прятались в общежитии, то собрали все полотенца, воду, влажные салфетки. Можно сказать, этот момент — тоже своеобразие дня сегодняшнего. Если бы среди нас был парень, такие сцены бы убрали на потом.

— Но правда, это как анекдот. Кругом зомби, мы одни выжили, будущее — смерть до рассвета. Даже для кошмара это слишком... Конечно, наивно так думать...

— О-о, так Кокуто-сан фантазерка. Впрочем, я и сейчас настаиваю, что это сон.

— Обнадеживающе говорите, Одзи-семпай. А доказательства есть?

— Разумеется. Не хватает дара убеждения, чтобы породить такую ситуацию. Зомби — это так старомодно. А если это эпидемия, человечество падет в крайнем случае через полгода-год. За неделю, то есть за десять дней конец света ну никак не может наступить. И потом, за полгода обязательно будут приняты меры. Следовательно, пусть даже это реальность, я постулирую, что это сон. С учетом ошибки, притом что я — человек, а все сон, я все это отрицаю.

Признающая даже невозможное, но реальное, за факт Кокуто Азака.

Не признающая даже реальное, но невозможное, как ложь Одзи Мисая.

Кто из них фантазер, а кто реалист — мне определить трудно.

Я только чувствую, что мысли обеих основаны на вере.

— Пожалуй. Я тоже чувствую, что вижу сон. Я понимаю, что это глупо, но я впервые на таком подъеме.

Асагами Фуджино тихо улыбнулась, словно опекая их обеих.

Как будто ее мысли опирались на другой базис.

Ну а я страдаю от чувства вины.

В отличие от них троих, Сео Сидзунэ не может прямо сказать то, что думает — ту истину, что после всего пройденного у девушек больше нет будущего.

До сих пор плохой концовки удавалось избегать, но дальше уже нет ничего.

...Ведь я опять была неправа.

Сео Сидзунэ снова недоглядела. Она видела в будущем только пейзаж, «прошедший завтрашний день в гостинном доме». Но, придя сюда, перестала видеть и его.

— Так вот...

Что ни делай, того, что будет через двадцать минут, никак не усмотреть.

Даже когда Асагами-сан и Кокуто-сан выберут наилучший путь — все будет бесполезно.

Скоро, как буря, взвихрится немыслимое, хаос, и все придет к концу.

— Сидзунэ, напomini: ты видишь будущее, если в двух словах, путем осмысления данных?

— Ч-что?! С ч-чего ты вдруг, Азака-тян?

— Я спрашиваю, как ты видишь будущее? Ты говорила, что как будто кино, но вдруг ты не думала всерьез, как именно оно снято. У тебя как? Не с просторной точки обзора... не общий вид с высоты, а личное, твое собственное восприятие вида будущего, так?

— М-м, да. Так. Будущее, которое я вижу, смотрится с точки зрения человека. Никаких божественных взоров с небес, чтоб сразу целый город. Такого я не вижу вроде.

— А чужое будущее? Скажем, пусть тебя в кадре не будет, но вид будет от чьего-то третьего лица.

— Иногда случается. Но тогда видно только то, что перед глазами человека. Скажем, было, что мы с Азакой-тян говорили, и я видела, как она через час совершает дурную оплошность.

Именно. Пророчество — не более, чем тщательное предсказание, самая естественная дедукция.

Сео Сидзунэ всего лишь получает информацию от пяти органов чувств, записывает и подсознательно сводит в картину «фактов, которые будут дальше». Эспер, относимый к категории провидцев. Такой тип человека, у которого мозг может независимо работать как органический процессор.

— А-а, поэтому ты иногда выдавала странные фразы. «Сегодня опоздай», «именно сегодня Микия проживет без твоего звонка» и прочее. М-гм, ясенько-ясенько. И спасибо. Мне здорово помогло, что ты меня поддерживала.

Она говорила так, словно вспоминая нашу кампусную жизнь.

Подобающие Кокуто Азаке четкие, решительные слова признательности.

Они были настолько от чистого сердца, что чаевничающих окутала душевная и трогательная атмосфера.

— Но...

Атмосферу меняет напряженный голос.

Кокуто Азака будто протянула руку к сути вещей:

— Это значит, что Сидзунэ знает ответ. Где-то видит, из-за чего мы будем убиты. Иначе не увидеть будущего. И именно это либо не дается ей сознательно, либо она просто забыла.

— Либо не осознаю, либо забыла?..

Это верно. В жизни большинство ответов явно показываются до срока истечения актуальности. Человек ловит их, загоняет себя в тупик и начинает ныть. Трагедия не станет разворачиваться после того, как становится слишком поздно. Именно тогда, когда человек пускает все на самотек, она происходит как естественное следствие.

— Достаточно болтовни, Кокуто-сан. Пора собраться с духом.

Одзи Мисая переходит от слов к делу.

Вдруг становится ясно, что полчаса прошли.

Теперь до гостиного дома десять минут пешком, но на пути бродят зомби.

До рассвета остается меньше часа. Кончились наши беспечные минуты.

Мы выходим из здания старших групп через пожарный выход.

Скрываясь среди пышных клумб, находим глазами дорогу.

На идущей вверх-вниз дороге под фонарями, как и ожидалось, шатаются зомби.

— Нам везет!.. Вроде четверо, сможем втихаря пробить осаду!..

— Т-ты хочешь обойти сбоку?! А не лучше, если Асагами-сан их погнет вдрызг?!

— Это было бы непродуманно. Пусть я этих четверых смогу уломать, но бродящие в округе мертвецы сбегутся на шум. А здесь не лес, и их будет много, и когда они нахлынут, как лавина... Бр-р, как насекомые вокруг лампы в поле, противно же!

— Уф... Я вдруг перестала понимать критерии твоих решений, Асагами-сан...

— Думаю, смысл в том, что поддерживать это будет тяжело. Мистические глаза Фуджино

— словно крупный калибр, он слаб против бездумно атакующего врага.

— Естественно. Мыслящее животное задумалось бы, а то и испугалось, но против нас — тупые мертвецы. Они едва ли ощутят страх, даже когда их товарищей развевает в пыль.

Азака-тян энергично покивала Одзи-семпай.

— А? — почему-то в глубоком изумлении подняла веки Фуджино-тян.

— Что «а»?

— У них же есть разум. Они сами выбирают, убить незараженного или сделать своим.

— Э-э... Спасибо, не поняла.

— Я говорю о методе убийства. Зомби нападают на людей, но кого-то рвут на клочки и поедают, а кого-то просто убивают... От съеденных не остается даже костей, но просто убитые после смерти оживают и становятся новыми зомби. Понятно, что это питание и размножение. Я думаю, эти зомби по своей воле разделяют тех, кто годится только на обед, и тех, кого можно сделать одними из них.

— А... Ну, пожалуй, так, но... Фуджино, тогда что же — хочешь сказать, эти зомби не мертвы, их сознание осталось на месте?

— Кто знает. Настолько я не разбираюсь. Просто они как будто разумны. Хотя как именно разумны — не узнать, не став одним из них.

Видимо, это доказательство мира посмертия. Не узнаешь, пока не станешь, но когда станешь — людям не передашь. Точки зрения живых и мертвых слишком различны, и даже если оба одинаково «люди», у нас не найдется общих слов.

— Может быть, они не бессмысленно едят человечину, а всего лишь избавляются от чужеродного элемента. В качестве порожденных этой землей новых приматов.

— В смысле, это не зомби, а новые люди?.. Для этого они слишком примитивны. Не думаю, что *эти* вот — разумны.

— Куда деваться. Им же от роду не больше десяти дней, так? Значит, это просто младенцы.

Все умолкают.

Никто о таком не задумывался. Мнение Асагами Фуджино может изменить определение «зомби». Осмысленная, но хаотичная деятельность зомби действительно напоминает годовалых детей.

А если так, не значит ли, что мы в итоге убиваем кого-то живого?

— Простите... Тебе удалось развеяться, Кокуто-сан?

— Немного. Однако наличие у противника сознания ситуации не меняет. В этом мире уже десять дней приходится убивать, чтобы выжить.

Она не ответила.

— Конечно, если твоя гипотеза верна, можно на что-то надеяться. Пусть сейчас они несмышленые, с годами они разовьются и, может быть, смогут общаться.

Четыре ответа, все разные.

От слов Асагами Фуджино мы потратили непредвиденное количество времени. До будущего с финалом оставалось меньше двадцати минут.

Мы собрались с духом и выбрали тактику лобового прорыва.

Дорога в гору к гостининому дому, четверо зомби посередине.

В лесу по сторонам от дороги — еще десятки зомби, но мы поднимаемся на холм бегом, пока они не заметили, и, поддерживая наше преимущество, добираемся до дома и запираем главные ворота.

Двести метров отчаянным бегом.

Быстроногие Кокуто Азака, Одзи Мисая — пробегут вперед.

Сео Сидзунэ и Асагами Фуджино... придется признать, шанс 50/50.

— Сео, ты *видишь*?..

— Угу, нормально. Вижу утро с точки зрения от гостининого дома.

Я не уточняю, что это ложь.

— Так, двинули. Я возьму на себя зомби на дороге. Сначала приближаюсь, сношу хотя бы двоих... ну за что?!

Кокуто Азака смотрит на кусты, на дорогу и к холму и вдруг жалко вскрикивает. Лица следовавших за ней Сео Сидзунэ и Асагами Фуджино бледнеют, словно они привидение увидели.

На пологом уклоне стояли тени, которых здесь быть не должно.
Трое зомби, бывшие ученики Рейен. И еще одна черноволосая девушка в свободном кимоно с длинным рукавом.
Разодетая, словно с праздника совершеннолетия.
Чернильные пятна глаз мертвы, но выражают несомненные волю и разум.
В ее правой руке блестит меч наизготовку.

— П-простите... Это что... Реги-сан?..

— Чертова Шики во плоти! Да с катаной! Нам конец!..

— О, она же ухмыляется! Она нас заметила!

Да, это явилась Реги Шики.

Сейчас я не могу пересказать, какой у нее характер, потому что не было случая узнать ее получше. Я лишь знаю, что за эту неделю Кокуто Азака и Асагами Фуджино то и дело заводили разговор о ней.

«С Шики зомби ваще побоку. Рядом с ней они просто зайчатки».

«Не хочется с ней встречаться, но было бы здорово, окажись она поблизости. Ее никто не победит».

«Точно. Не верю, что говорю это, но только Шики может разрулить что угодно».

Короче, они с ней непримиримые враги, кажется.

Вот этот надежный и непобедимый персонаж переметнулся на сторону зомби, да еще в придачу стоит между нами и последними воротами. Азака-тян и Асагами-сан в отчаянии, это даже мне сзади так хорошо видно, что аж плохо.

— В чем дело? Эта ваша Шики настолько сильна, Сео-сан?

Одзи-семпай толстокоже уточняет, что не знает Реги Шики, хотя видеть, скорее всего, видела.

— Н-ну-у, как бы сказать...

Я не могу подобрать подходящего сравнения и шарю взглядом в небе.

— Если в двух словах: где-то на уровне короля Артура с Эскалибуром в руке.

— Такое же не победить никогда!

Что-то тихонько шаркнуло.

Сандалии Реги Шики переступили по гравию.

Первой отреагировала Азака-тян. Взглянув на наши испуганные лица, она рванула напрямик к дороге на холм.

— Поздно думать! Начнем! Я столько лет хотела это сделать!!!

Младшая сестренка набегает на врага милого братика.

За ней нервно следует Одзи-семпай, а мы стоим и от страха двинуться не можем.

Асагами Фуджино звонко хлопает себя по щекам и обращается к Сео Сидзунэ:

— Сео-сан, обходите по лесу и к гостиному. Мертвецов я сейчас отвлеку.

Похоже, Асагами-сан все поняла безо всякого оракула.

Кокуто Азака: голова отлетает под мечом.

Одзи-семпай: глупо вскрикивает: «А?..» — и тоже теряет голову.

Этого холма нам не пройти. Пока есть эта Шики — никаких шансов.

Значит, придется ломиться к цели лесом.

— Быстрее. Будете стоять здесь — и вас втянут.

Этот голос так холодно спокоен, что не требует ответа.

— Угу... Я пошла, буду ждать *наверху* гостиного дома.

Я срываюсь с места.

Сео Сидзунэ скрылась в лесу, и в то же время холм скрутило.

Асагами Фуджино и Реги Шики.

У них, обладательниц одинаково безумного масштаба мистических глаз, началось последнее противостояние.

И вот я добралась до гостинного дома, здания западного типа, построенного по мотивам Рокумэйкан. В ту эпоху, ввиду вестернизации, было выстроено много западных зданий, но вроде бы большинство оказались просто копиями западноевропейских построек. На самом деле строения были в мелочах не без примеси японской художественности, с оригинальным смешением западного и японского стилей. Этот гостинный дом тоже был из таких.

Но не сегодня.

Я смотрю на круженную высокой оградой территорию с выжженными руинами. Я слышала, год назад было то же самое. Шептались, что в том пожаре сгорело одно общежитие.

— Ох, так и думала...

Бессильный вздох — картина маслом...

Неуверенно иду по холму под ставшим горой обломков бывшим особняком.

Будущее, которое видела Сео Сидзунэ, — это «смотрю сверху гостинного дома на рассвет».

Ошибки не было. Остается только сожалеть, что до самого конца не смогла рассказать подругам о трагедии, постигшей гостинный дом.

— Ах да... Три дня назад из окна общаги я вроде бы видела, как тут что-то светилось.

Сео Сидзунэ не могла понять, что это был огонь. Она — словно бездушная камера, в которой записаны все ответы, но нельзя обратить сознание ко всем кадрам — только лишь к тем, к которым есть интерес. Подобающий не стремящемуся узнать что-то кроме того, что хочется узнать, человеку, поистине неисправимый регресс.

Колени слабеют.

На самой высокой точке руин я опускаюсь на землю, сдаюсь, и смотрю в небо.

Тут к тыльной части шеи Сео Сидзунэ прижимается лезвие.

— ■■■■■■, ■■■■■■?

Это Реги Шики. Только не разобрать, что она говорит.

А говорит она вот что:

— Ты из симптоматиков? Тогда могла бы и не бегать, как остальные. Хотя я все равно всю эту заразу перебыю.

Ничего не понять. Я вдруг очень внимательно смотрю на левую руку.

Там — след от укуса зомби. Тут же вспоминаю слова Асагами Фуджино. Про различие зомби, кого делать своим, кого обедом, про разделение видов убийства.

В свои примут тех, кто станет зомби, когда заразится.

В обед войдут те, кто не станет зомби, даже когда заразится.

Но как их различить?

— Ну, это давно закончилось. Потому что все люди схватили заразу десять дней назад. У этого вируса инкубационный период такой. Похоже, он так сделан, что пока число заражений не насчитает семь миллиардов, симптомы не включатся.

Гм, то есть... все человечество заболело одновременно?

— Ага. Вирус тоже живое существо. Все сделает, чтобы расплодиться. Но была структурная дилемма — при прогрессировании в теле человека в момент размножения другие люди с ним расправляются.

Тут же слова Одзи Мисаи. Она до конца настаивала на том, что передающийся от человека к человеку вирус не может уничтожить человечество.

Но это уравнение за какую-то там неделю устарело. Мы с самого начала шли в мир посмертия.

— Вот такой он — конец света. Когда понимаешь, что прижало, уже все кончено. Семь миллиардов раз — и *на помойку*. Обработать мир оказалось так легко.

Ах вот оно что. Тогда недельная битва Сео Сидзунэ и ее подруг, их дружба и прочее были совершенно бессмысленны и, м-м, что-то в духе плесени на киноленте.

Слова непонятны, но нюанс кристально ясен.

Сео Сидзунэ льет слезы на молитвенно сложенные ладони.

Жух! — бликует рассветное солнце у ее ног.

Словно чудовище, что рассыпается пеплом под лучами солнца, все обратилось в прах.

...И это тоже — явственный world's end.

Я тихо закрыла глаза.

Часть вторая (14:00 — 16:30)

■ Часть вторая (14:00 — 16:30)

01.

Сео Сидзунэ показалось, что ее кто-то позвал, и она открыла глаза.

Время только-только перевалило за семь вечера.

Поднявшись с обитой высококачественной кожей софы, она протяжно зевает.

— Ох, как же я заснула... Одной в кинотеатре страшно хочется спать...

Домашний кинотеатр размером с класс.

Его единственного пользователя, Сео Сидзунэ, от скуки сморило, и проектор безучастно крутил фильм в одиночестве, показывая ужасные картины и события.

Сплэттер о гибели школьниц в лесу в окружении зомби.

Сео Сидзунэ смотрит за развитием событий краем глаза. Отворачивается, когда перебирают с кровью-кишками-расчлененкой.

Гроыхает фоновая музыка.

Громкость — хоть уши затыкай, но возникает очень тихое чувство.

Наверное, потому, что звук неестественный. Когда одна в театре, пустой зал сыграет со звуком злую шутку.

Сео Сидзунэ лениво посматривает трагедию, которую не хочется смотреть.

— Э-эх. А ведь договаривались ночью все вместе смотреть кино...

Этот уговор сдержать не получилось. Похоже, собравшихся в особняке школьниц мало беспокоит данное обещание.

«Что ж, наверно, все были уставшие», — думаю позитивно.

Пора ужинать. Надо сходить на кухню приготовить еду. Но сейчас не получается на это настроиться, и я смотрю неинтересный ужастик.

Звук вращения бобины.

Звук кондиционера.

Луч света проектора поперек темной комнаты.

Вопли героинь в долби-саунде.

...И не из динамиков, а из окна слышны чьи-то вопли.

— О-ох... Так и знала ведь.

Встаю, вздыхая, с мягкого кресла.

«Если они не соберутся в зале, кого-нибудь точно убьют».

Для них старалась, предвещала, а они совсем плохие. Недовольно надув губу, Сео Сидзунэ оставила медиазал позади.

Потому что опять по этой колее. В этом будущем. К этому исходу.

Мы и на этот раз перестали держать глазами цель и пошли фатально не туда.

02.

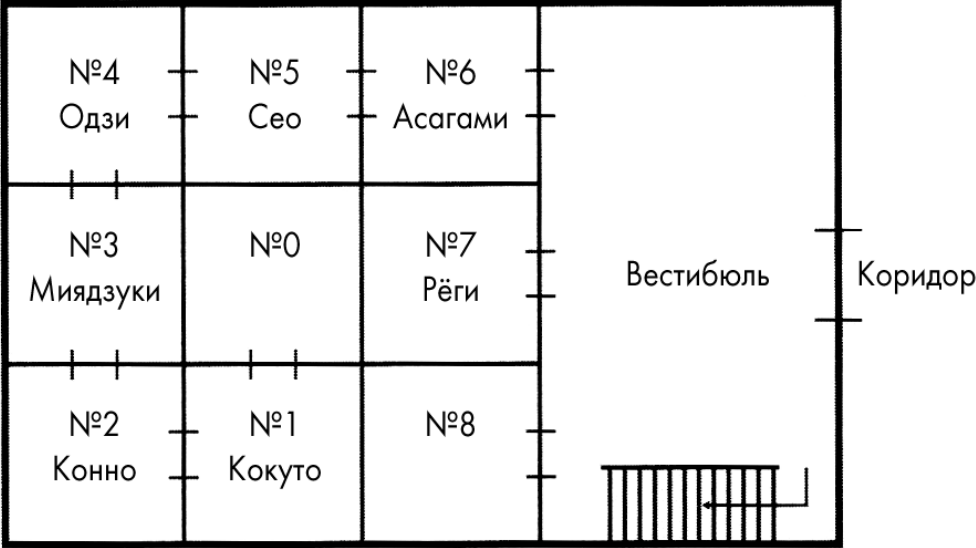
На выходе из медиазала стал слышен шум дождя, обволакивающий особняк.

Время — семь вечера. В окна верхнего света перестало пробиваться солнце, и большую часть коридора пожрал холодный мрак. Спасибо нехватке электрофонарей.

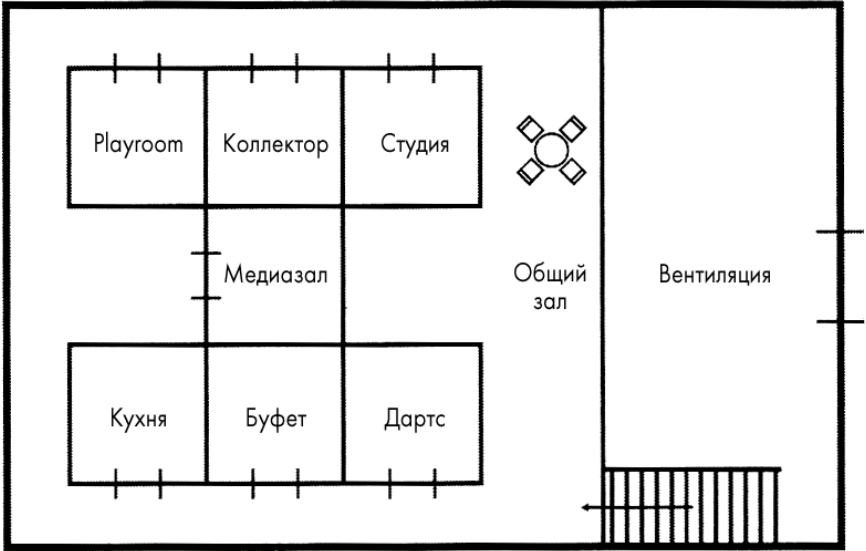
Коридор поровну перемежает искусственный свет и ночную темноту.

Двуцветие создает пятнистый узор, похожий на траурную занавеску.

Корпус Нацуми-кан
План комнат

1-й этаж

2-й этаж

Угол коридора как-то особенно черен, будто в этом месте располагается вход в пещеру. Я выхожу из медиазала направо, двигаюсь вдоль северного обходного коридора и выхожу в общий зал, откуда можно спуститься на первый этаж. По привычке запоминаю неинтересные детали. Вроде той, что освещена лишь третья комната по дороге к вестибюлю.

Это — гостиный дом женской академии Рейен: Нацуми-кан, что пишется как «лето» и «змея».

Шикарный особняк восточного типа, выстроенный на территории в три сотни цубо, который, под стать хитрому Змею из названия, спланирован престранно.

Нацуми-кан разделен на первый этаж, где находятся комнаты для гостей, и второй, где собраны развлечения.

На первом этаже всего девять гостевых комнат, но проходы между ними чересчур оторваны от здравого смысла. Представьте себе грань кубика Рубика. Плоская квадратная грань, разбитая на 9 одинаковых квадратов. Три по вертикали, три по горизонтали.

Но это не все, иначе была бы просто редкая планировка.

Странно планировать так, чтобы комната была связана с комнатой, а двери все шли как бы водоворотом с комнатой №0 в центре, где вход в особняк. Сверху это похоже на свернувшуюся змею.

Скажем, направляющийся в комнату №1 человек зайдет из лобби в №6 и будет вынужден пересечь комнаты тех, кто живет в №5, №4, №3 и №2. Причем комнаты запираются только изнутри, поэтому при каждом проходе нужно, чтобы хозяева тебе открыли. Даже в свою комнату спокойно не вернуться. На всякий пожарный случай был сделан мастер-ключ, но, говорят, во время реставрации хозяин его собственноручно выбросил в плавильную печь.

Целенаправленная строительная недоработка.

Пространство, предпочитающее оригинальную жизнь комфортной.

Вроде бы была широко известная в узких кругах выпускниц Рейен архитектор-маньячка, которой дали заказ «сделать что-нибудь загадочное, где может случиться таинственное убийство», и та расстаралась. Что заказчик, что мастер — два сапога пара.

В этом году гостиному дому исполнилось семь лет.

Вот, если дом насчитает восемь гостей, змеиное проклятие всех изведет;

вот, здесь заперт тайный ребенок семьи Одзи;

вот, в подвале запечатан злой бог, который разрушит мир.

Недостатка в страшилках не было.

На первом этаже собрались текущие жильцы.

Разумеется, это вновь прибывшая Сео Сидзунэ, а также ее ровесницы Кокуто Азака, Асагами Фуджино, Миядзуки Лилит, Реги Шики.

Там же старшекласница и ранее глава студсовета Одзи Мисая.

Шесть девушек, не говоря ни слова, смотрели друг на дружку и выжидали.

При виде этого вмиг подступило головокружение, словно от мигрени.

Сео Сидзунэ снова волей-неволей увидела наихудшее будущее — как через десять часов, в пять часов на рассвете, придет ее собственная смерть.

— Я только что слышала вопль, что-то случилось, Шики-тян? — как ни в чем не бывало заговариваю с Реги Шики.

— Да, неприятное происшествие. Мы как раз ждали тебя, Сидзунэ-сан. Такое дело: кого-то из гостей убили.

Реги-сан так элегантно улыбнулась, что почти послышался хрустальный звон.

После одного летнего события Сео Сидзунэ и Реги Шики стали подругами по переписке.

Причиной появления Сео Сидзунэ в Нацуми-кан тоже стало душевное приглашение от Реги Шики. Вообще-то этим гостевым особняком запрещено пользоваться студентам.

— Э-э... Серьезно убили?

— Серьезно. В наши дни об убийствах уже не шутят.

Пожалуй, да, мода на таких шуточки кончилась... но Реги-сан даже в такое время не перестает искриться изящными бабочками улыбок.

— Ну что, все в сборе? Тогда еще раз вернемся на место событий. Возможно, кому-то здесь такое не по нутру, но это нужно для порядка. Чтобы не было потом пустых разговоров, если кто-нибудь будет недоволен.

Это Кокуто Азака не допускающими возражений словами возвращает ситуацию в колею. Наша первая на кампусе гениальная девочка, богоданный лидер.

— А она действительно мертва? Не окажется ли, что ошиблись с выводами? — нерешительно спрашивает Асагами Фуджино-сан. Вид ее напоминает японскую куколку. От рождения слабая, она не может ходить без трости. Год назад в несчастном случае повредив глаза, она, тем не менее, не то чтобы совсем не видит.

— Пожалуйста. Пожалуйста, Асагами-сан! О, эти убийства в проклятых особняках, словно в стилизации музыкальной группы! Еще один плюс к моим способностям как главной героини! Что ж, давайте аккуратно разберем и этот элементарный случай! Напевает и крутится на месте всеобщая любимица Одзи-семпай. Она никогда не могла вписываться в атмосферу, поэтому все уже привыкли к этим выплескам.

— Ага. Оптимизм Одзи-семпай в такие моменты успокаивает. Бесит, конечно, но легкость лучше мрачности.

Это Миядзуки Лилит-сан бормочет под нос. Выглядит она на фоне Реги-сан и Кокуто-сан невзрачно, но в ее взгляде прячется стальная воля. Представьте себе такого тихоню, который, когда загоняют в угол, выхватывает из сапога кольт и стреляет не целясь. Шесть человек, собравшихся в вестибюле.

Азака-сан сказала: «Все в сборе». Это значит, что седьмая, которой здесь нет, Конно Фумио из второго номера, и есть несчастная жертва.

03.

Из вестибюля входим в комнату №6, Асагами-сан. Отсюда — №5, №4, №3, идем по номерам, как по коридору, и вот пришли в желаемое место, комнату №2.

Как только вошли, сразу отвели глаза от трагедии.

Вся комната была черной.

Или, если точнее, обгоревшей.

Напоминает белый холст, закрашенный древесным углем... Кстати, это, вроде бы, уже не первый пожар в академии.

— Она вся обгорела, и по лицу не поймешь, но можно прикинуть по размеру тела. Рост Конно-сан — 176 сантиметров. Совпадает, — глядя на что-то вроде останков, говорит нам Кокуто Азака.

В середине сгоревшей комнаты лежит то, что осталось от Конно Фумио.

Ее тело полностью испарилось; в том месте, где, как мы думаем, она упала, — серовато-черный сгусток. Будто скопившаяся на полу сажа, как кто-то прошептал. Хорошая баскетболистка Конно-сан — первая-вторая по росту среди учениц. Среди нас таких высоких нет, поэтому это, скорее всего, именно она.

Мы без слов осмотрели обстановку в комнате.

Даже тихони Асагами-сан и Миядзуки-сан¹ увлеклись детективной работой. Понятно, что они не упустят в этой комнате улики, что выведут на след преступного пиромана.

¹ В оригинале опечатка: 宮川, «Миякава».

— Причина смерти неясна, но по виду этого пепелища сам пожар имел место в районе четырех-шести часов вечера, — ровно говорит Реги-сан.

— О! Значит, мы не уверены, что смерть наступила от огня? — спрашивает Одзи-семпай, этак осторожно изучая останки несчастной жертвы. Ее недавняя ветреность, конечно, просела.

— Вполне вероятно, что она умерла до возгорания. Она могла упасть после удара холодным оружием или отравиться чем-нибудь, после чего сгореть.

— Да, Шики-тян права. Давайте не будем решать заранее. Мы не детективы и можем только предполагать варианты.

Конечно, я знала будущее и без всех предположений, но не стала говорить об этом.

В этой ситуации слова вроде «я вижу будущее» только навлекли бы подозрения. Сейчас о том, что Сео Сидзунэ знает будущее, в курсе одна лишь любимая сестра по вкусам Одзи Мисая.

— Верно, мы не можем определить способ убийства. В такой черноте даже вскрытие даст не больше, чем препарация лягушки... Впрочем, у нас есть первый подозреваемый.

Правда, Кокуто-сан?

Асагами Фуджино хихикнула и с улыбкой взглянула на Кокуто Азаку.

Даже у меня, просто стоявшей рядом, пробежали по спине мурашки от этой чарующей улыбки.

— Это в каком смысле? Я — убийца, Асагами-сан?

— Просто излагаю понятную любому ситуацию... В этом особняке можно свободно попасть только в следующий либо предыдущий номера. На место преступления — №2 — могли попасть либо Миядзуки-сан из №3, либо Кокуто-сан из №1, верно?

Действительно, это — непреложное свидетельство... или очевидная дедукция. Мотива и способа убийства мы не можем определить, но по «тем, кто мог сюда попасть» можно кое-что понять. Безумное устройство особняка оставляет нам лишь двоих подозреваемых.

— Ха, не глупи, Асагами-сан, — отвечает Миядзуки. — Давай конкретнее. Во вторую комнату могут попасть либо я, которую Фумио должна была еще впустить, либо Кокуто-сан, которая могла в любой момент, не спросив Фумио, открыть дверь и тихо войти, — так и скажи.

— Да. Об этом я не подумала. Хорошее внимание к деталям, Миядзуки-сан.

— М-м... Ну да, это так, но постойте. Неужели никто, кроме них, не мог оказаться в комнате №2?

— К сожалению, Кокуто-сан, протест отклоняется. Я была в №4 и могу сказать точно: с четырех вечера до сего момента через мою комнату никто не проходил. Я была голодная, как волк, и все ходила кругами, поэтому никто не мог прокрасться мимо.

— Значит, с семи вечера к Одзи-семпай пришли Миядзуки-сан и Кокуто-сан, так?

Появились из №3, крича, что Конно-сан мертва?

— Да. Обе с бледными лицами говорили, что творится бог весть что, что надо быстро всем собраться. Поэтому пришлось дойти до вестибюля, позвать Асагами-сан и Реги-сан.

— Минутку, Одзи-семпай. Почему меня не позвали?

Вот-вот. Я случайно услышала крики в тот момент, когда прервалась музыка... видимо, крики обнаружившей тело Миядзуки-сан. А могла бы до сих пор сидеть смотреть на зомби.

— Нет, ну... Это, как бы...

— Чего? Одзи-семпай подозрительнее нас обеих? Вообще, зачем было так беспокоиться кружить по комнате? Какой там волк, больше похоже на хомяка в колесе.

— Уф, м-м... Я все раздумывала, идти смотреть кино с Сидзунэ или нет. Она же приглашает, как я откажусь? Но фильмы ужасов — не по мне... в образовательном смысле...

— А-а, испугалась. Одзи-семпай трусишка, только на словах Лев Толстой.

— Ага, она очень не хотела сюда приезжать, кстати.

— Ну и хорошо, Одзи-семпай так хитро строит милую девочку, всем младшим нравится. Хотя иногда просто бесит.

— Да уж, мастер.

— Хи-хи, мастер!

— Вы издеваетесь надо мной?!

Ой. Нашли время подтрунивать.

Надо сообщить в полицию... вот только как? Здесь нет телефона. Единственная связь с реальным миром — это один телефон в директорской. Причем сейчас мы не выйдем наружу. По некоторым причинам было единогласно решено не покидать помещение.

— Нам бы только ночь продержаться, а наутро пойдем искать спасения наружу, как считаете?

— Да уж. Поддерживаю. Только что делать с поиском преступника? Подозрительных накажем, и все?

— Накажем — это свяжем веревкой и под замок?

— Стоп, это уж точно будет убийство! Сейчас связывать и бросать — это как отправлять ягненка на заклание! Хотите меня сделать второй жертвой?!

Может, из-за любви к детективам, но Кокуто-сан высказывает здравую мысль.

— Но это лучший способ свернуть данную ситуацию, согласись. Если тебя связать, мы будем спать спокойней, — Асагами-сан безжалостна.

И тут Миядзуки-сан поднимает руки и говорит:

— Знаете что. Давайте вот как. Мы с Кокуто-сан спим с этой стороны. В смысле, со стороны первого и третьего номера. В №4 у Одзи-семпай вы приставляете какой-нибудь шкаф и до утра нас закрываете. Мы с Кокуто-сан... ну да, я буду в первом номере.

Кокуто-сан заночует в третьем. Так главный подозреваемый не сможет выйти из третьего номера. Я утром открою первую комнату и буду в третьей. Годится? Будет совсем уж запертая комната. Сео-сан и остальные будут спать спокойно, и я не буду волноваться.

Понятно, да, это хороший план. Особняк устроен так, что комнаты можно открывать только с внутренней стороны, здесь мы это используем и временно делаем третий номер одиночной камерой... Вот только все так запутано, что хочется взять нормальный план и посмотреть.

— Кокуто-сан это устраивает?

— Раз Миядзуки-сан предложила, мне остается только согласиться. Обе подозреваемые. Ладно, я заночую в третьем номере. Только утром откройте дверь.

Кокуто-сан мрачно смиряется.

И вот мы разделяемся.

Миядзуки-сан переезжает в первый номер, Кокуто-сан остается в третьем.

В четвертом номере баррикадируем дверь шкафом, полками и прочим, а потом идем дальше общаться на второй этаж в общий зал.

04.

Настало восемь вечера.

Мы пьем заваренный Шики-сан зеленый чай в зале на втором этаже.

Вестибюль на первом этаже сквозной, и общий зал вынесен над ним такой внутренней террасой. От яркого освещения вестибюля в зале светло, что несколько развеивает гнетущие ощущения.

— Подумать только, настоящее дело об убийстве. Даже для меня это необычно, — хихикает с изящной улыбкой Реги-сан и подносит горячий чай ко рту. Ее все происходящее ничуть не трогает.

— Шики-тян, тебе не страшно? Ты не нервничаешь? Это преступление из невероятных же. Конно-сан убита в закрытой комнате, а главное — непонятно, как!

— А. Мне тоже страшно. Но я не сижу на иголках. Конно-сан убили, но пусть даже... скажем... потом убьют Кокуто-сан, убьют Одзи-сан — ко мне это не имеет отношения. Ну не могу я всерьез думать о вещах, которые мне не интересны. Единственное, что я, вот сейчас покопавшись в себе, захотела понять, — это способ убийства. В номере есть и туалет, и кухня, но как при этом сгорел зал? Как потом погасили огонь? Люди ведь такого не могут.

— А? Я думала, Кокуто-сан, как минимум, может дышать огнем... Ведь это она преступница?

Асагами-сан не трогает чай, пьет приготовленный ранее напиток. Кажется, смесь хлорофиллового сока с яблочным. Здоровый образ жизни.

— Не может. Обычный человек не может выдыхать огонь или поджигать с кулака. Реги-сан сидит красиво, спина прямая, и отрицает тоже прямо. Слова самой здравомыслящей девушки в Рейене Асагами-сан с улыбкой пропускает мимо ушей: «Может, и так».

Одзи Мисая пристально наблюдает за беседующими. Ее взгляд направлен не на Реги Шики, а на Асагами Фуджино.

— Одзи-семпай, в чем дело? Вы же всех собрали на чай, чтобы дружно продолжить думать.

— Д-да. Так и есть, Сео-сан. Ради беседы я всех и собрала. Позвольте прямой вопрос: кто из них двоих, по вашим ощущениям, преступница?

— Очевидно, Кокуто-сан.

— Увы, Кокуто-сан.

Реги Шики и Асагами-сан отвечают сразу. Все трое не ладят, но в каком-то смысле их связывает изрядное доверие.

— Вот как... А Сео-сан что почувствовала?

— А?..

Фактически, Сео Сидзунэ не может уверенно назвать человека преступником. Будущее перед ней как на ладони, но это в основном образы из отрезка «когда все закончилось». Она не видела сцены, где Кокуто Азака, а может, Миядзуки Лилит убивают Конно Фумио.

— Я не знаю. ...Может быть, это совсем не они...

— Осторожнее, Сидзунэ-сан. Уж не хочешь ли ты сказать, что настоящий убийца среди нас? Я врагов не щажу, если меня принудить.

— Да. Хоть ты и милая маленькая зверушка, но тебя будем есть с головы.

— Д-да я не это имела в виду!..

— Восьмой человек. Да, Сео-сан?

— Одзи-семпай!.. Да, именно. Это не обычное детективное дело, но есть аморфный подозреваемый Икс!

— Мне лично кажется, что кому-то удобней так думать... Но есть ли этому основания, Одзи-семпай?

— Есть. Вы ведь знаете легенду Нацуми-кан про... болезнь бессмертия?

Мы так крутим головами, аж воздух свистит.

Я знаю несколько баек про Нацуми-кан, но такого там точно не было.

— Я слышала мельком в семейном доме Одзи, что в этом особняке изначально был санаторий. Какая-то девочка подхватила новый вирус... болезнь бессмертия, и один богатый пожалел ее, удочерил и спрятал в этом особняке.

— Бессмертие... как болезнь? Но это же хорошо. Ничего не кончается, вечная молодость, популярность, все всегда с тобой!

— Как знать. Какова бы ни была причина бессмертия, если правда стать «бессмертной, что с тобой ни делай», — это, скорее, ужас, как мне кажется... А-а, вот почему змея. Змея сбрасывает кожу и снова как новенькая, она символ бесконечности. Но финал-то грустный. Богач приютил ее из сочувствия, потом понял, что встретил «вечного» человека, от ужаса обмер и отчаянно кинулся запира́ть демона...

Реги-сан говорит словно поет, но в ее голосе самую чуточку слышится жар. Ей не интересно искать виноватых, просто она явно любит такие страшилки.

— Но ведь этот особняк опустел, и за ним теперь следит академия. Трудно представить, что тут такое живет.

— Конечно. Владелец Нацуми-кан уже в лучшем мире. Правда вот... записей о том, что его приемная дочь покинула это здание, не нашлось.

— Тогда она, эта больная бессмертием девушка, все еще тут?..

— Если легенды не врут. К тому же, можно спросить у Миядзуки-сан и узнать, поэтому давайте отложим тему. Первый владелец Нацуми-кан — некто Конно Дзюзо. Конно Фумио — его единственная дочь.

Стоп. Мотив убийства Конно-сан всплыл с невероятного угла!

— Я даже проснулась. Теперь мне интересно. Ну что, Одзи-семпай, не будем церемониться. Расскажите нам. Как зовут эту больную девушку? Вы, конечно же, знаете. Наша принцесса кивнула, по ее лицу было видно, что ей не хочется продолжать.

Она тяжело вздохнула, и:

— Исидзуэ Каната. Маньячка-убийца, семь лет назад оставила гору трупов. Ей подписали смертный приговор, и она его перенесла... Почему она была здесь — и говорить нечего. Ее не смогли убить никакими доступными способами, и Конно Дзюзо под огромный выкуп извлек ее из рук закона.

05.

Мы и не заметили, как часы пробили десять.

Непредсказуемое развитие событий заставило нас задержать дыхание.

Точнее, от битого часа постоянных разговоров у нас в горле пересохло.

— Ох. Ладно, давайте теперь я заварю чай.

Асагами-сан поднялась и исчезла на кухне в глубине второго этажа.

После нашей беседы отвага Фуджино-сан, которая может запросто гулять одна, кажется странной.

— Шики-тян, не надо ли ее проводить?

— Да ладно, такая терминаторша. Давайте продолжим, Одзи-семпай. Почему Миядзуки-сан должна знать обстоятельства семьи Конно-сан?

Реги-сан подалась вперед в ожидании ответа. Словно в ней что-то включилось.

— Миядзуки-сан и Конно-сан жили в одной комнате. Они... скажем так, крайне близки. При таких отношениях разделяют любые проблемы на двоих, как Конно-сан мне утром хвалилась.

— Медовый месяц, что ли? — с искренне скучающим видом пошутила Реги-сан.

— Но тогда Миядзуки-сан не видела бессмертную девушку лично. Пожалуй, одна Конно-сан за мгновение до смерти точно могла знать, есть ли она на самом деле или нет. А значит, остается...

— ...Номер, куда никто не заходил. Куда никто не может зайти, комната №0. А придется. В центре Нацуми-кан — вечно закрытая дверь номер ноль.

Когда мы вместе расселялись по номерам, дверь №0 была заперта.

Тогда мы просто подумали, что она совсем закрыта, но сейчас срывались покровы.

Гостевые номера можно запереть только изнутри.

Если оно до сих пор живое, *кто запер замок №0, и что происходит внутри?*

— Спросим у Миядзуки-сан. Может, она еще не спит. Она же не спит? — Реги-сан вскочила.

— Постой, постой. Подождем Асагами-сан. Ей вряд ли будет приятно обнаружить по возвращении пустую комнату.

— Она же бой-баба, что ей до... Хотя стоп. Почему она вообще здесь ночует?

— Что? — мы дружно недоумеваем.

Асагами Фуджино в Нацуми-кан потому, что... э-э, а правда, почему?

— Вот и я не знаю. Одзи-семпай?

— Понятия не имею. А Реги-сан и Сео-сан? Вы-то почему сюда пришли? Лично я здесь коллекционирую насеко... то есть подытоживаю работу в поле, а вы?

— Я по приглашению Шики-тян, мол, давай на выходных тут проживем.

— Именно так. Мне знакомый сказал, что можно попользоваться, потому что в эти выходные здесь никого. Вот это приглашение.

— О, директорская печать. Действительно, все честно. Остальные?

— Я и не проверяла. Когда пришла, все уже были на местах, и я подумала — здесь сегодня такое собрание.

— Ну, а Асагами-сан... кажется, появилась еще до Одзи-семпай.

— Да, после полудня. Я заблудилась, и Конно-сан проводила меня сюда.

Вернулась Асагами-сан, держа поднос с чашками.

Она поставила его на стол и со своей тихой улыбкой повернулась к нам.

— Чего вы вдруг?

— Да. Заблудилась. Тогда я — последняя гостя... Значит, Асагами-сан. Ты не замечала странностей в поведении Конно-сан? Например, беспокойство от появления непредвиденных гостей.

— Не знаю. Я ее почти не знала и вряд ли что-нибудь заметила бы. А хотя... Она была в хорошем настроении. Кажется, весело заговаривала с Миядзуки-сан. О чем, хм... «Наконец нашлось лекарство, теперь я могу ей помочь», как-то так. На тот момент я пропустила это мимо ушей, но, учитывая наш недавний диалог, эти слова кажутся мне довольно важными.

— Кажутся? Да это же прямой ответ! — восклицаем мы.

— Если эта Исидзуэ-сан правда существует, Миядзуки-сан и Кокуто-сан в опасности! Обе не могут удрать из-за баррикады в комнате №4!

— Я так больше не могу. Скорее идем в номер ноль.

Мы гурьбой сбежали по лестнице в вестибюль.

Второй этаж с первым соединяет только лестница через зал отдыха. Это важно, поэтому я обрисовываю это в деталях.

— Кокуто-сан, вы спите?! — только вбежав в №4, восклицает Одзи-семпай.

Нет ответа. Мы содрогаемся и разбираем баррикаду, открываем третий номер. Не заперто. Кокуто-сан не стала закрываться изнутри.

Прежде всего, бросилась в глаза сидящая посреди комнаты кошка, свернувшаяся калачиком.

А, нет, это человек.

Кокуто Азака сидела на пятках, колени на полу, обе руки впереди, и не дышала.

06.

— Это что — легендарная смерть в просительной позе?!

Я не знаю такого вида смерти, Одзи-семпай.

— Причина смерти... Множественные раны в районе живота. В принципе, такое может сделать дробовик с близкого расстояния... — Реги-сан присела и исследует тело Кокуто-сан. С нездоровым увлечением. Освободить труп из этой жалкой коленопреклоненной позиции ей в голову не приходит.

— Как легко наша драчливая Кокуто-сан сдалась, гм... Это уже изрядно поддерживает версию убийцы из комнаты №0.

— А... где Миядзуки-сан?!

Если Кокуто-сан убита, что с Миядзуки-сан в №1?..

— Скорее, в первую комнату!.. Ох, вторая заперта! Миядзуки-сан, ответь! Миядзуки-сан! Однако на отчаянные возгласы никто не отозвался.

— Ну что ж. Отойди немного, Сидзунэ-сан. Я что-нибудь придумаю.

— Шики-тян, ты что заду... А-а?!

Внезапно в руке Реги-сан оказалась зажата катана.

Она плавным движением извлекла клинок из ножен, и в промежуток между дверью и стеной, в зазор, где виднелся замок, на огромной скорости вымахнуло лезвие...

— О. Все-таки не вышло. Угу, никак.

Кланц! — меч красиво разлетелся, и она смущенно хихикнула, показав язык.

— Эй!

— Ой-ой-ой, в сторону, Одзи-семпай! Попадет в висок, и все!

— Ай!

— Отскочило от ободка?!

— Чпок!

— О-о, осколок попал в спину Кокуто-сан...

Комната №3 в некотором смысле превратилась в поле боя.

К счастью, Одзи-семпай лишилась всего лишь разрубленного ободка и жизнь сохранила, но...

— Шики-тян...

— Я не виновата. Наверняка даже Дзигэн-рю² не сработает.

Не в этом проблема, а в том, что ты машешь катаной ни с того, ни с сего.

— Ох... Ну хорошо. В таком случае, давайте-ка я попробую кое-что похитрее.

— «Похитрее»?

Одзи-семпай вытащила из кармана что-то вроде швейцарского ножа, пригнулась перед дверью и просунула в замочную скважину проволоку.

— О-Одзи-семпа-а-ай! Так делают только воры!

— Прошу тишины. Это обязательные для леди новейшие и правильные отмычки. Это здание строилось после войны, открыть будет несложно... О, вот и все.

Игнорируя нас, лишившихся дара речи, Одзи-семпай прошла выгоревшую комнату №2 и потянула за дверь первой.

— Похоже, сделано так же. Подождите, я сейчас открою.

Так Одзи-семпай неожиданно попала в центр внимания.

Мы прикрываем спину нашей старшеклассницы, на которую можно чуточку положиться.

Вдруг из вестибюля донесся бой высоких ходиков — *бом-м, бом-м!* Наступила полночь.

До зари — будущего, где всех нас ждет гибель, — теперь меньше пяти часов. Если мы сейчас выловим и сможем схватить виноватых — спасемся ли сами?..

— *Щелк!* Да, это было просто... Итак, я открываю дверь. Леди, вы готовы?

Никому не надо объяснять, к чему Одзи-семпай это говорит.

В каком состоянии Миядзуки Лилит?

Одзи-семпай представила это, решила и теперь просит нас быть сильными духом.

Мы молча кивнули, она сказала: «Отлично», — и открыла дверь №1.

И вот мы заглянули в первую комнату и все как одна, с рукой подле рта, подавили выдавливающееся из легких отвращение.

Комнату украшал один предмет авангардного искусства.

Там стояло человеческое тело с разложенными по спирали вокруг конечностями и потрохами.

² Древнее японское боевое искусство, основанное на принципе «второго удара не потребуется». Основная техника школы — удержание меча вертикально над правым плечом, приближение к противнику и нанесение рубящего удара от шеи по диагонали.

Только голова... а скорее, лицо было без единой ранки, как живое — а все, что ниже, изгибалось, как мертвое дерево, вытягивалось: иссохшее, без кровинки, произведение по имени Миядзуки Лилит.

— Миядзуки-сан...

Она была убита. У нас кружились головы от запаха разметающейся по номеру крови, мы смотрели на дверь номера 0.

— Поскольку в комнате №4 была баррикада, считаем это пространство изолированным. Убийца Кокуто-сан и Миядзуки-сан может скрываться только в номере 0 и больше нигде.

— Согласна. Одзи-семпай, изволите повторить хитрость?

— Хорошо... Мое сердце не на месте, но мосты сожжены. Прольем же свет на тайну Нацуми-кан!

Она вновь склоняется перед дверью.

Вдруг замечаю, что Асагами Фуджино стоит бледная, опираясь спиной на стену.

— Асагами-сан?.. Тебе что, плохо?

— Да... Здесь слишком сильно пахнет... простите, я вернусь на второй этаж, в зал, хорошо?

Асагами-сан нетвердым шагом вышла из номера 1.

Я замешкалась — не пойти ли с ней? — но в итоге...

— Еще долго, Одзи-семпай? Это единственный гвоздь программы, можно же чуть постараться?

— Цыц... Этот замок посовременнее будет... Ай, промахнулась... Значит, задействую вторую хитрость... Так, кажется, модель подходит, теперь точно попаду!.. Стоило сказать, как ничего не получилось. Слишком уж перекликается с моей жизнью в целом...

Реги-сан и Одзи-семпай забавно попадали в тон друг дружке, и я решила остаться.

Тяжелая битва Одзи-семпай все продолжалась.

В номере, переполненном запахом крови, разносятся лишь звуки металлических щелчков.

Сео Сидзунэ жалеет Миядзуки-сан, кладет ее тело и прикрывает простыней.

Сразу после этого девушка-воровка провозгласила:

— Ура!..

Вместе с довольным возгласом Одзи-семпай раздался звук открываемого замка.

Старая металлическая дверь, визжа петлями, открылась.

Внутри была серая палата, стены просто зацементированы, так и брошены.

В этой прямоугольной коробке была она...

07.

— Труп.

На невзыскательной кровати из труб лежала мертвая девочка лет четырнадцати.

В таком чистом, практически сияющем платье невесты.

Смерть ее выглядела такой спокойной, словно она до сих пор спала...

Словно только сейчас, наконец, заснула.

Реги-сан недовольно смотрит на кровать сверху вниз. Такое разочарование, как у ребенка, что в рождественскую ночь с нетерпением ждал Санту, а утром проснулся и обнаружил развешанные носки пустыми.

— Хм, Реги-сан. Она на самом деле скончалась?

— Да. На ней нет ни ран, ни пульса.

— Даже с болезнью бессмертия?

— Даже с ней. Может, вылечилась. И умерла. Наконец она получила то, чего до сих пор так недоставало.

— Как же так...

У Одзи-семпай подкосились колени, она оперлась на стену, чтобы переждать головокружение.

У меня же не нашлось слов. Я думала встретить вовек не кончающийся экземпляр, но надежды мои снова были обмануты.

— Наверное, она убила Кокуто-сан и Миядзуки-сан, а потом вылечилась и скончалась.

— Другого объяснения и нет, Одзи-семпай. Ведь от комнаты №0 до комнаты №3 пространство было изолировано. Нам ничего не остается, как обвинить человека внутри него преступницей...

Да. Остается только эта Исидзуэ-как-ее-сан... если только нет таких, кто каким-то образом может убивать на расстоянии.

— Но ее смерть наступила почти сутки назад, Сидзунэ-сан.

— А?

— Мышцы всего тела окоченели. Настолько твердыми они могут стать самое меньшее за двенадцать часов. Вовремя успели. Опоздай мы на день, тут бы еще и попахивало.

— П-постой, Шики-тян. Получается, она...

— Первый труп, да. Она не то что Кокуто-сан, но и Конно-сан не могла убить.

Тогда кто убил наших друзей?

Мы не знаем ни мотива, ни способа убийства. Но если следовать методу исключения...

— Стойте. Сидзунэ-сан, где эта гроза клеверных полей... Асагами-сан?

— А... Она сказала, что будет на втором этаже...

Еще раньше, чем я успела договорить, Реги Шики вылетела в вестибюль.

Мы сорвались за ней, не успев еще понять, куда... Вот оно что. Когда дверь в номер 0 открылась, Реги-сан увлеклась разворачивающейся картиной и не замечала Асагами-сан!..

— Асагами-сан, ты где?! Выходи!

Резкие выкрики Реги-сан эхом гуляют по вестибюлю. На первом этаже Асагами-сан не было. На втором, в общем зале, ее тоже не видно. На кухне и в столовой пусто.

— Да, кстати...

Я вспоминаю, что в середине третьей комнаты в северной части горел свет.

Кажется, это такая неприятная комната, к которой пристало название «коллектор».

— Шики-тян, коллектор!

— А, выставочный зал!

Бегом по темному коридору, и вот перед нами тяжелая деревянная дверь.

Заперто изнутри. Очередная тайна закрытой комнаты.

Замок быстро открыли.

Сумрачный коридор выбелило лампами из комнаты.

«Коллектор» был, если в двух словах, хранилищем картинных рам.

Стены испещрены рамами. Рамы испещрены бабочками под булавами с раскинутыми крыльями.

Это выставка коллекционера насекомых... или даже старьевщика.

— Асагами... Фуджино...

В центре, среди сотен редких видов, нашелся пятый труп. Вся истыканная отравленными иглами, раньше мраморная, а теперь отравленная зелеными пятнами кожа.

Время — два часа утра.

До тупикового финала осталось меньше трех часов.

08.

— Ну, поехали...

Результат размышлений.

Знающая будущее Сео Сидзунэ на кухне в одиночестве хлопнула себя по щекам и собралась с духом.

09.

Три часа ночи, общий зал на втором этаже. Одзи Мисая и Сео Сидзунэ, не в силах уснуть, согреваются черным чаем и слушают шум дождя.

— Сео-сан, а Реги-сан?..

— В номере семь. Потому что там она сможет совсем закрыться от всего. Говорит, раз Исидзуэ-сан умерла, все интересное кончилось, и она будет спать.

— Ах, какой она неизменно сложный человек. Стоило решить, что она теперь готова действовать, как выясняется, что дело было только в Исидзуэ-сан, а убийства — мелочь!

— У Шики-тян ко всему, что ей не любопытно, градус интереса на полном нуле. Это у нее с детства.

— С детства?.. Вы с ней так давно знакомы?

— Да. Мы живем в соседних домах. Кстати, напротив стоит дом Кокуто-сан, а еще, представьте себе, после выпускного у нас с Кокуто-сан будет одна фамилия. Хе-хе.

— Н-надо же. Все это странно, но можно сказать, что и у вас с людьми отношения сложные.

На немного счастливую, даже победную улыбку Одзи-семпай неуютно отводит взгляд.

Видимо, не ожидала в данных обстоятельствах услышать романтическое хвастовство.

— Мне больше интересно, почему мы не ищем убийцу. Остались только мы, семпай.

— А-а, уже неважно. Ведь преступницей была Асагами-сан, — Одзи Мисая улыбнулась, элегантно вкушая чай.

Эта улыбка была уверенной, а точнее — умиротворенной, буквально «гора с плеч».

— Асагами-сан — преступница?.. Но она же убита...

— Это самоубийство. Полагаю, что, зажата в угол, она сама приняла яд. Иначе загадку с замкнутым пространством нельзя решить. Заперто изнутри, на теле нет следов сопротивления... Что это, если не самоубийство?

— Однако этим нельзя объяснить другое убийство. Если принять, что убийца — Асагами-сан, как она убила Канно-сан и других в закрытых помещениях?

Одзи-семпай грустно опускает очи долу.

Скромная двухсекундная пауза.

— Сео-сан. Я сейчас скажу кое-что неуместное и, в общем-то, гипотетическое, но... Вы верите в существование суперспособностей?

— А?..

Хлопаю глазами от неожиданно серьезного употребления таких детских слов.

Как Одзи Мисая истолковала бездумно отстраняющийся жест Сео Сидзунэ?.. Наверное, так: «Мне не верят, но это и к лучшему». Она в таких случаях всегда исходит из самых наивно-лучших побуждений.

— Прошу прощения, я скажу иначе. Асагами Фуджино имела возможность смотреть на что-либо издалека и убивать. Рассказать об этом способе я не могу. Но то, что она его знала, — неоспоримый факт. Может, она пользовалась чем-то, может, она использовала сделанные при постройке особняка механизмы. Именно эту непостижимую для нас пока технику я и назвала «суперспособностями».

— Способность наблюдать объект издалека... Это ясновидение?

— В каком смысле?

Одзи-семпай недоуменно склоняет голову. Хотя она и использовала слово, о суперспособности не осведомлена. А значит, ее «техника» отличается от техники Асагами Фуджино и, собственно, «сверхспособностью» не является.

— Асагами-сан могла убивать удаленно. Я правильно понимаю?

— Д-да, правильно. Как вы здорово все схватываете, Сео-сан! Я не могу объяснить подробно, но она наверняка использовала что-нибудь вроде радиоуправления и... э-э, постойте...

Вдруг Одзи Мисая прикрывает рот рукой.

Но уже поздно. Яд давно в крови.

— А... Гх, а!..

Сдвигая столешницу, она валится на ковер.

Одзи Мисая с судорожным лицом смотрит на спокойно пьющую над ней чай Сео Сидзунэ.

— По... че, му? Ведь убийца... Асагами, Фуджино...

— Мне удивительна такая самоуверенность, Одзи-семпай, в суперспособности я верю. Убийство на расстоянии действительно было. Иначе у нас было бы два зашедших в тупик расследования.

Первое — убийца Миядзуки Лилит. Это, наверное, была Асагами-сан. Мы — Сео Сидзунэ, Реги Шики, Одзи Мисая — разговаривали в общем зале, и Асагами Фуджино вышла. Тогда она что-то такое и сделала.

Потом методом исключения подозрение в убийстве Асагами Фуджино падает на оставшихся троих. Сео Сидзунэ, Реги Шики, Одзи Мисая. Сео Сидзунэ определенно не преступница, да и явно не Реги Шики.

— Это вы убили Асагами-сан, верно, семпай?

— Гх... х...

Та не отрицает. Даже на смертном одре этот человек не оговорит себя. Потому что такая вот она замечательная.

— Шики-тян сказала: «Мне неинтересны неспящие убийцы». И это не звучало подозрительно. Значит, остаетесь только вы, Одзи-семпай.

— И поэтому меня... травить?.. Вы слишком сплеча... Сео-сан... А у... лики, а оружие... убийства?..

— Я хоть все будущее прозрею, а способов не пойму. Я не настоящий бог. Здесь вопрос в примитивной вероятности.

— Вероятности?.. Я... подозрительная?

— Убийца Миядзуки-сан и Асагами-сан слишком странный и логике не поддается. Но остальные случаи именно вы, семпай, лучше всех могли устроить.

— Но... почему?..

— Вы же можете открывать двери отмычкой.

— В этом все дело?!

Одзи Мисая кашлянула особенно громко и лишилась сил.

10.

— Уф...

Наверное, от чувства вины за отравление Одзи Мисаи я не могу сдержать тяжелого вздоха и растягиваюсь на софе.

А что еще мне оставалось? Если оставлять преступников в живых, рассвет не придет. Даже смерть всеми обожаемой Одзи-семпай оправдана во избежание такого будущего... как я себя убеждаю.

Но что же из этого получится?

Даже отодвинув финал, с нами уже покончено.

Слишком много трупов.

Я сама убила человека.

Этот случай всплывет, и жизни Сео Сидзунэ настанет конец.

О-ох. Опять этот итог.

Почему от финалов, как ни старайся, становится так горько?

— Но теперь будущее закреплено. Я переживу рассвет и расскажу, что убила Одзи-семпай... а?

Ошарашенно поднимаю голову.

«Этого не может быть», — закрываю глаза и наблюдаю самопроизвольно разворачивающиеся картины будущего.

— О нет. Ничего не изменилось... Что не так? Одзи-семпай не убийца?

Так не может быть. Асагами Фуджино убила Одзи Мисая. Одзи Мисая, будучи при смерти, не отрицала этого, а это самое лучшее свидетельство.

Тогда я ошиблась где-то в предположениях.

Быть может, это я преступница.

Быть может, что действует кто-то неведомый.

Быть может... что убийц несколько.

— А...

Я продумываю первые три убийства.

Первую, Исидзуэ как-ее-там, проще всего было убить Конно Фумио, ведь она — дочь владельца особняка, она ее знала.

Вторую, Конно Фумио, проще всего было убить находившейся в соседнем номере Кокуто Азаке.

Ведь у нее был ключ, с которым она могла запросто войти в комнату №2.

Третью, Кокуто Азаку, проще всего было убить Миядзуки Лилит.

Она могла легко убить тем же способом, каким Кокуто Азака убила Конно Фумио.

— А что, если...

Что, если это случай из тех, где по одной убийце на жертву? Тогда и общий мотив будет смазанным и неясным. Потому что все собрались здесь, чтобы быть кем-нибудь убитыми.

Топ...

Конно-сан — чтобы «вылечить» Исидзуэ-сан.

Асагами-сан — чтобы непонятно зачем убить Миядзуки-сан.

Одзи-семпай — чтобы покарать Асагами-сан, догадавшись, что та сделала.

Топ...

— Пойдите... А я тогда что?

Зачем Сео Сидзунэ пришла в этот особняк?

Я нервно тянусь к карману. В нем лежит приглашение прийти в особняк — от *нее*.

Топ...

— Отлично. Наконец-то никто не мешает, да, Сидзунэ-сан?

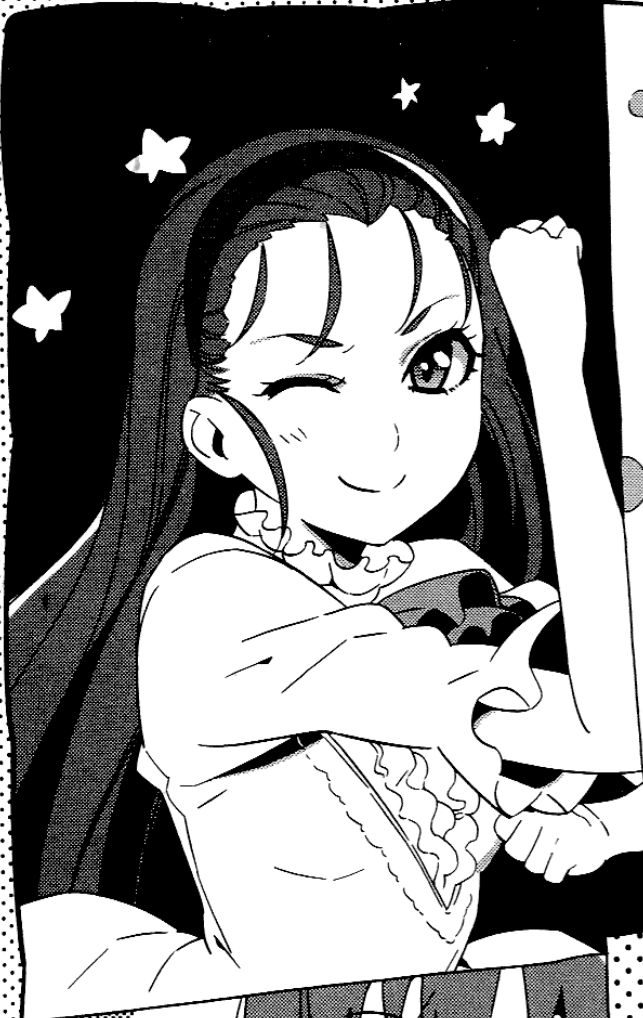
Дзинь.

Сео Сидзунэ не смогла даже обернуться на шепчущий со спины голос.

Красные брызги по залу. Отрубленная голова видела, как жалко валится тело.

И вновь тупик.

Я тихо закрыла глаза.

Часть третья (17:00 — 20:30)

■ Часть третья (17:00 — 20:30)

Год две тысячи девятый, двадцать третье сентября, район N города Мифунэ.

В полуночной квартире тридцать лет назад построенного и откровенно устаревшего деревянного дома разносятся вжики, стуки и прочий суетливый шум.

Я, все еще сонно, вздыхаю — ох, опять этот расклад...

Снова глупая ошибка, скачок — и сюда. Кажется, опять я плыву по течению.

— А-а, все, не могу, не могу больше! Я не закончу, как вообще можно перелопатить такую кипу страниц! Брошу, вот на этот раз точно брошу!

— Мисая-сан, без паники. До рассвета еще целых шесть часов. Вы же в лучшие дни том за три часа как-то выдали. А если что, так можно же и эцсамое...

— Прошу не путать копир и офсет! Это все-таки издание на пятилетний юбилей кружка, а не проходная брошюрка!

— А вот и я. О, дело-то идет. Фуджино, держи, чтоб лучше работалось. А мне — чипсы из водорослей, чтобы проснуться. Куда мне, сюда сесть? С чего начать помогать?

— Сделайте, пожалуйста, задник к развороту. Там выражен важный момент, когда главный герой впервые летит в небе, и было бы хорошо, если каждое здание будет тщательно прорисовано. Ах да, можно срисовывать с ночного вида из окна прямо здесь.

— Ха-ха-ха, это просто ужас. Прихожу к подруге на людей посмотреть, себя показать, и тут меня сажают делать страшную домашку на уровне вступительных экзаменов в худколледж. Этот кружок круче нашей компании. Да еще и в аналоге до сих пор. Как насчет хотя бы перьевые планшеты внедрить, Мастер Одзи? Вы же нормально зарабатываете.

— Доход и рабочий процесс никак не связаны, Кокуто-сан. Оцифровка противоречит моей эстетике. Какая еще «копипаста», какие «имиджмакеры»? Я согласна, искусству нужны репродукции, однако они призваны заразить меметически, метапсихозом духа творца. Деконструкция или эволюция — вот смысл репродукций. А тут оцифровка! Данные, практически не отличимые от подлинника! Симметричное повторение предмета искусства словно говорит нам: «Во мне изначально нет души!» Это никакое не искусство, это просто товар!

— И как вы мангу читаете... Впрочем, за это я и люблю Одзи-семпай. Гм, а вон та товарка долго еще будет спать? Рассказ сдан досрочно, что ли?

— Заснула, стоило отвернуться... Кокуто-сан, сделайте милость, разбудите ее.

— Окей. Ночь на дворе-е, Масте-ер. Просыпаемся.

— А-кха?!

Стукнутая по голове, я проснулась. Поднимаю голову со стола и озираюсь.

— Я спала?! Я что, заснула?!

Смотрю на часы, на них время за полночь.

В шесть утра надо донести рукописи до издательства и за три часа отспидпринтить, иначе на ивент сегодня не успеем, и нашей работе придется бомжевать. Не хочется говорить такое, но если через шесть часов рукопись не будет готова, сюжет со мной в главной роли закончится тупиковым финалом.

— Хорошая у тебя уверенность в себе — задремать в такой момент. Ну-ка, где там рукопись? Эй, так уже готово все. Осталось дописать послесловие?

— Ну, да, только вот... Я никак не вспомню, как хотела закончить. А, как там Мисая-тян? Успеет?

— Нет. Спасите. Я не смогу. Но бросить смогу еще меньше. Если брошу, мне конец. Как той девочке, которая смотрит на опадающие листья. Ведь бросать любимые фэнфики, завертевшись в основной профессии, чересчур некрасиво для девушки, продавшей душу Демону Фантазии!

Мисая-тян чуть не плачет, но ее руки не останавливаются.

У нее слабая воля, от мелочей она впадает в меланхолию и пропускает сроки, но девушка не бросает своих произведений. В школе председательницу студсовета не зря звали перфекционисткой.

— Конечно, хотелось бы выполнения дедлайнов... Фуджино, эту панель можно расширить? Давай, так персонаж будет живее выглядеть.

— Да, пожалуйста. Хи-хи. Кокуто-сан сама выбирает трудный путь, а на Мисаю-сан говорит.

— Горбатого могила исправит. Э-эх. Почему мы попали в этот рут? Вот не нашли бы тогда коллекции экс-председателя студсовета в их комнатке, когда прятались там, — наверно, наша жизнь сложилась бы иначе...

Кокуто-сан говорит задумчиво, в то же время дорабатывая арт для Мисаи-тян. В данный момент она — хваткая карьеристка на службе в перворанговой компании.

«Я умываю руки от этого ада. Больше не тащите меня назад», — сказала она про кружок и удрала, но в трудный час спешит на помощь, надежная ассистентка. Рисует она лучше Мисаи-тян потому, что ее отчим был знаменитым художником, кажется.

Асагами-сан после окончания университета стала секретарем этой Студии Рэйрокан.

Мисая-тян залила ее слезами, мол, все равно собираешься ходить на курсы для невест, так лучше приходи меня спасать!

Ну а я пописываю новеллы, кое-как перебиваюсь, а заодно выдаю мини-истории для любимого самиздата Мисаи-тян, додзинси.

Ну и вот мы имеем сценку из лета 2009-го. Мы выпустились из Рейен, но и через десять лет весело проводим время вместе.

— Кстати, о чем история на этот раз? Опять детектив? У меня на работе уши простаивают, расскажи хоть вкратце.

Кокуто-сан многозадачна, кинестетическое и аудиальное у нее не пересекаются.

Нехорошо говорить о недописанной истории, но, к счастью, основная часть завершена. Я описала завязку.

— Гостевой дом Рейен как сцена для серии убийств?..

— И там собрались... мы-школьницы?..

— Детектив, но снаружи особняка... зомби?

Выражения лиц всех троих на миг застыли в эмоциональной нерешительности.

Новелла, описывающая Рейен десять лет назад. Между нами эта тема была табу.

— А впрочем, пусть. И как, какие там убийства? Первая жертва — конечно, Одзи-семпай?

— Первая жертва — не существующий в этом мире персонаж. Хотя вторая — знакомая.

Я поясняю содержание новеллы.

Восемь девушек собрались в особняке. Девушка А убита девушкой В, которую убила девушка С, которую убивает девушка D... такие несколько заикленные, «индивидуально-серийные» убийства.

— На минуточку. До того, как девушка В рассказывает, какой хитростью убила девушку А, девушку В убивает девушка С... что в общем-то еще ничего, но девушка С не успевает рассказать, как убила девушку В, и ее убивает девушка D? Это вообще можно читать?

— Вот-вот. Тут не цикл, она просто спихивает объяснение убийства на следующего персонажа... Как это, ну, когда гасишь пожар, ведра с водой передают по цепи.

— О, Мисая-тян понимает. Заголовок-то — «Убийства Ведерной эстафеты».

— Пф... Ай... хватит... вечно меня внезапно смешить, так нечестно...

— Писать умеешь, а чувство темы забыла дома...

— Не-не, это как Юпитер у Саймака в «Городе»! — выдает меткое для «умывшей руки» сравнение Кокуто-сан. Как всегда, нюх у нее отменный, чтобы угадать, откуда я почерпнула идею.

— А мне понравилось. Разве что... если ты главная героиня, что происходит в последнем противостоянии? Тебя убивают или ты выживаешь?

— Вот считаешь и узнаешь. Я не такая добренькая, чтобы до конца пересказывать!

Я встала из-за стола, открыла окно квартиры и вышла на террасу. Это дешевый дом, но он построен на холме, и с него можно любоваться на город.

Была полночь, дома не светились.

Шевелится лишь станция и район магистральной трассы. В нашем городе тоже осталось немного жителей. Несколько лет назад нас было почти двадцать тысяч, а сейчас осталась примерно десятая часть. Брошенные дома — как могильные плиты, распадающиеся под ветрами и снегами.

Пролетело десять лет с начала загадочных исчезновений во всех уголках света.

Испаряются соседи, как будто никогда не существовали.

Люди совершенно без причин и закономерностей пропадают без вести, это продолжается и по сей день.

Человек — штука крепкая, и если в первый год мир увяз в ужасе, на третий все уже воспринимается как рутина.

Мол, пропадают люди без причин, обычное дело.

Опять же, люди, не видящие будущего, обычно не имеют представления о том, что их ждет завтра. Даже когда придет их час исчезнуть, они к этому готовы и спокойны: «А, сегодня моя очередь?»

Таким образом, мы радуемся каждому вялотекущему дню, не давая себе поводов для сожалений, ну а на завтра смотрим легко: придет мне на смену кто-то из тех, которые останутся.

И я, и остальные однажды растаем, как дым.

Просто сейчас это время сократилось до шести часов.

На сей раз печален не финал.

Мне лично самую чуточку печально, что придется закрыть глаза среди рутины, без кульминаций и развязок.

Я снова в комнате, ощущение напряженности на поле боя притупилось, сменившись расслабленной атмосферой перерыва. Судя по всему, мы преодолели некий рубеж.

Осталось доделать еще четыре страницы; видимо, решили, что это можно успеть вовремя.

— Уф... ну хорошо. Наконец пришло время прибегнуть к хитрости!

— Мисая-сан, заварим новый зеленый чай. Открываю парижскую «Мари Антуанетту».

— Я серьезно, если что. Упомянутая хитрость действительно существует.

Мисая-тян хотела во что бы то ни стало прибегнуть к хитрости.

— Да-да, вперед, — безразлично соглашается Кокуто-сан и продолжает рисовать.

Мы без усталости работаем, смотрим в свою работу и постоянно говорим.

Про работу. Семью. Ценности. Любимый жанр. Завтра. Вчера. Любовь.

Выходит не то, к чему стремились, но такой непринужденный климат — в дефиците.

Уютный сон, как грязевая ванна, в которой хочется поваляться подольше. И я вдруг, забывшись, обращаюсь к теме, которой не следовало бы касаться:

— Кстати, я недавно видела сон...

— Что такое, мастерица ведерной цепочки?

— Хоть до Мастера Ведер сократите... В том сне я просыпаюсь, и внезапно все понимают, что через девяносто минут миру придет конец, и устраивают шум.

Шуршание письменных принадлежностей стихает. Все безмолвно и со слишком серьезными лицами смотрят друг на дружку.

— Вы чего?

— Ничего, продолжай. Что дальше было?

— Ага. Там мой провидческий взгляд... он показывал будущее, и я снова и снова смотрела, как нам приходит конец. Я металась, старалась избежать такого будущего, но ничего не выходило, и все кончалось. Такая масса вариантов, развилок, но что ни выбери

— провал. Может, это у меня тупо мало силы? Я вижу будущее, но не могу научиться этим пользоваться.

Тема выходила весьма запущенная.

Вообще-то в ответ на такие сонные истории следует поржать.

Но моя любимая подруга, Кокуто Азака, поверила мне и сразу все просекла.

— Что ни выбери — провал? Это значит, что обстоятельства сами по себе провал.

— Сами обстоятельства... ошибочны?..

— Ага. Уже по «90 минут до конца» понятно, что ты в плохой ветке сюжета, и ее основной вектор в любом случае не изменится. Если не можешь изменить будущее — значит, надо было раньше осознать. Впрочем, не знаю насчет персональной судьбы, а рок всего мира предвидение, скорее всего, поменять не сможет.

— Вот как. Не совсем понятно, но объясняешь убедительно, Кокуто-сан. Узнаю лису, которая тайком ото всех нас внезапно стала работать на крупнейшую в стране косметическую компанию.

— «Шисейдо» как «место жизни и смерти»! Там нужно разбираться и в оккультном сленге, чтобы выбиться в люди.

— Попрошу не ехидничать, почтенные леди-авторы. У нас тут серьезный разговор. Между прочим, семпай и Фуджино, как-то вы приуныли. Что, есть с чем сравнивать? От замечания Кокуто-сан обе посуровели и потупились.

— Да, именно так. Мне тоже вспоминается такая история... лучше сказать, я сама видела это. Бегали от зомби, все убивали друг дружку, пробовали стать эстрадницами и тихо пустили все под горку, только на последнем концерте, который нам сделали из жалости, ни одного зрителя не было, и хотелось задрать голову в луч прожектора и подумать: эх, и это тоже конец света...

— Собственно, и я помню. На сцене не выступала, но, к примеру, тем летом, когда появлялся мастер-рекордсмен, я ходила по улицам и не видела других прохожих, говорила себе декадентский монолог: «Эх, как будто пришел конец света...» — и оказалось, что правда все исчезли, вот я перепугалась...

— Меня добавьте, хотя у меня был кошмар, что брата забрал кролик-убийца.

— Ха-ха, не...

— В общем, все видели похожие сны... Все испытывали примерно одно и то же...

Неуютно. Я старалась об этом не думать, но теперь чего уж. Я прямо спрошу — почему же все происходит именно так?

— В смысле, почему наши жизни идут по кругу, но отличаются в мелочах?

— Нет, не так. Мы, как бы это сказать...

— Стали продуктом чьего-то творчества. Получили роли имитаций, чувствуем, что живем на выдуманной сцене, да? Как если бы настоящих людей затянуло в сон одного человека.

— Да, точно! Одзи-смпай, на этот раз интуиция у вас работает!

— А у вас язык без костей. Я из тех, кто всегда придерживается правды. Хотя я только что об этом подумала. Ведь, согласитесь, сейчас в нашей жизни нет реализма, она как сон.

Мне уже беспокойно, не оказались ли вы в моем сне.

— Семпай?..

— Сами посудите — как ни крути, такая жизнь невозможна. Я совершила преступление в Рейене, мне должно быть недоступно подобное будущее... Поэтому я только что осознала, что это выдумка.

Она посмеялась с самоиронией и положила на стол ставшую обычной за десять лет ручку.

— Но это же не ваш сон, семпай. Нет-нет, тут другое...

Почему же мы так повторяемся?

Не время спорить насчет того, во сне мы или наяву. Мы все чувствуем, что мир вокруг — фальшивка.

— Не бывает такого, что без причины все смотрят один сон, да еще и много раз подряд. Где-то все это началось. Мы забываем об этом... Поэтому скажу наоборот...

Если вспомнить первопричину, скорее всего, и цикл прервется.

Но куда копать?

— Хватит искать правду. Где правда, а где ложь — без разницы. Надо найти границу между ними, и сон развалится. Ведь мы раскроем его истинную природу. Но такого ни разу не было потому, что мы много раз проигрывали этому «повторению».

Все так, как говорит Кокуто-сан.

Как-то же мы попали в эти обстоятельства. Оттуда же Сео Сидзунэ повторяет фальшивые истории. Все время видит провальное будущее.

Я много раз пыталась избежать этого, но каждый раз неудачно.

В этот раз так же. Если ничего не изменить, я пропаду вместе с ночью.

Кокуто Азака сказала, что где-то есть подлог.

Тут уж и говорить нечего. На сей раз подлог — мы сами.

Мы изначально не в тех отношениях, чтобы вот так улыбаться друг дружке. До боли понимая это, Одзи Мисая и Фуджино сжимают губы добела.

Я склоняюсь к мысли, что неважно, чей это сон.

Но мы уже чувствуем, что все началось.

В этот раз, в предыдущий, в пред-предыдущий, в те непримечательные разы, которые забылись.

Все началось с той школы. Десять лет назад в женской академии Рейен, в тот день, в ту ночь, в той комнате, случилось то, без чего до такого бы не дошло.

Вдруг у всех нас начали звонить телефоны.

«Срочные известия. В Зоне воспроизведения Земли №3, ввиду затруднений с продолжительностью существования из-за износа, в полночь сего дня назначен общий снос. Ответственных за симуляцию в данной зоне жителей просят завершить все виртуальные жизни. Зона воспроизведения №4 не сможет принять всех ввиду недостатка бюджета. Через пять часов все присутствующие в зоне и она сама будут уничтожены. Остающимся предлагается дожидаться финала».

Одновременно с хорошим произношением объявления по комнате прокатился шум.

Выскочив на террасу, мы видим, как уголок города Мифунэ стал белым, словно ластиком прошлись.

— Вот как! Теперь у нас НФ! А мы — виртуальные персонажи в сети!

— А ведь такой сюжет тоже допустим.

— Минутку, не слишком ли внезапно?! Откуда выросла эта ветка сюжета?!

Мисая-тян оспаривает внезапный финал, но здесь это обычное дело.

На самом деле и новости о том, что мир — движимый компьютером симулятор, а наш мир устарел и будет выключен, ничем не отличаются от вдруг упавшего метеорита, разнесшего половину Земли.

Потому что конец света никогда не связан с людьми.

Как бы внутри ни было мирно, как бы скромно ни жили, внешние обстоятельства безжалостно сотрут все. На этом конец фильма, остановка производства и отмена продаж.

Но спокойно! Даже закончившись здесь, история все равно продолжится.

Как мир не кончается с чьей-то смертью.

Как мир не остановится с твоей смертью.

Это — форсированный круг перерождений. Нельзя избежать финала. После того, как мы пропадем, мы не уйдем в мир посмертия, а попадем в мир с другим сюжетом, продолжая избегать конца. Поэтому не нужно никаких доказательств загробной жизни. Чем отправляться куда-то в неведомое, лучше вырваться в тот же мир.

— Пожалуй. Если все продолжится, то и...

«То и ладно», — подумала я.

Только...

— Всех все устраивает? Устраивает, что опять повторится финал?

Докучливая подруга подтолкнула в неприглядно колеблющуюся спину.

— Нет. Не знаю, что именно не устраивает, но это не то.

— Да, согласна. Я недовольна.

— Недовольна? Чем, Кокуто-сан? — вопросительно наклоняю голову.

Она с неловкостью, чуточку оробев, подмигнула и повела всех нас из здания.

— И циклический финал, и разные истории — все это здорово... Но то, что конец всегда грустный, хочется как-то исправить, правда?

После извещения о конце виртуального света город оброс чем-то вроде парада. Повсюду языки пламени. Вопли ужаса. Вопли радости. Вопли страдания. Вопли отчаяния. Самые разные виды людских голосов, какие можно сходу припомнить. Если емкость мира закончилась, нужно просто снизить число движущихся объектов, простецки уверовали многие, даже культ выскочил, и человечества в этом безумстве наверняка станет вдвое меньше еще до восхода солнца.

Мы залезли в машину Кокуто-сан, отъехали от погружающегося в хаос большого города и рванули напрямик в отдаленную деревушку в горах.

Когда-то мы могли передвигаться только автобусами, а сейчас занимавшая больше часа дорога легко уложилась в полчаса. Даже здесь мы ясно ощущаем, что повзрослели.

— Приехали. Пойдем.

Проржавевшие главные ворота.

Заросшая кирпичная дорога.

Огромный каркас, куда никто больше не ходит.

Академия Рейен давным-давно превратилась в руины. С каких пор — я не помню. Убрав разросшийся бурьян, толкнув одряхлевшие двери, я вновь переживаю ностальгические школьные деньки.

Странно, но тут все еще горели фонари.

Освещенные синеватым уличным освещением, мы идем по роковой мощеной дороге.

И добираемся до цели.

Гостевой дом, что за корпусом старших классов, скрывается в лесу на холме.

— А-а, я вспомнила. Точно, это здесь...

Десять лет назад кто-то завел *эту штуку*.

Это была собственность Кокуто Азаки. Забытая женщиной, которую девушка звала Учителем.

Кто-то из интереса включил эту, сработанную как произведение искусства в ретро-стиле, шкатулку.

Открываю двери гостевого дома. Через сквозной вестибюль поднимаюсь на второй этаж.

Быстро по пыльным коридорам и в центр второго этажа, в *ту самую комнату*.

Медиазал гостевого дома.

Десять лет назад здесь с нашей компанией произошел несчастный случай.

Пятая подруга, которой с нами нет. Мы бросили *ее*, ту, которая не смогла стать свидетельницей этого финала.

— Ну что, я открываю?.. Только сохраняйте спокойствие, что бы там ни было.

Дверь открывается.

Ток-ток-ток-ток. Крутящиеся шестерни. Из помещения проливается синий свет. В зале стоят шесть диванов и пленочный проектор.

В самом центре — проектор, ток-токает и до сих пор льет свет на экран. На диване, что прямо напротив, сидит девочка и пристально смотрит в одну точку.

— Эй, привет...

Протягиваю руку к плечу девочки.

Она в школьной форме женской академии Рейен. Валится с глухим стуком.

Мертвая.

Мертва.

Тело через десять лет после смерти.

Мне кажется, что я вот-вот отключусь от головокругения.

Набираюсь храбрости и выуживаю из кармана трупа школьную карточку.

— К... как?

Сео Сидзунэ.

Так звали брошенную десять лет назад девочку.

Голова кружится, я не могу стоять.

Мир для меня уплывает в темноту, не дожидаясь утра.

И это очередной world's end.

Напоследок я... тихо...

— Дай я сначала уточню. Если все — фальшивка, тогда где настоящее?

Благодаря донесшемуся откуда-то голосу я застыла на краю.

Точно. Я хочу избежать этих неудач. Если плыть по течению, ничего не изменится.

Закрывать глаза я успею после встречи с ответом.

В истончающемся сознании обдумываю все, что было до этого.

Какой там был сюжет? Разумеется, это — история о поисках убийцы.

Можно даже сказать «странствие в поисках фальшивого и настоящего».

Тогда что фальшивое? Разумеется, это — данный нереалистичный сюжет.

Мы были обычными школьницами. Какой полный зомби мир, какой детектив, какая виртуальная жизнь в нашу-то смену?

Причем среди этого есть сцена выдающейся лжи.

Субъективное и объективное, я и сцена. Что из этого мне как человеку — истина?

Итак...

Субъективное:

Истина — правильность взаимоотношений! см.ч.1/стр.6

Объективное:

Истина — правильность сеттинга! см.ч.2/стр.20

Философское:

Истина должна быть в этой реальности, какой бы она ни была! см.ч.3/стр.36

Куда пойти?..

— Шучу. Не стала я следовать таким правилам.

Труп дергается. С такими словами поднимается упавшая с дивана школьная форма.

— Сео?! Ты живая?!

Кокуто-сан, Асагами-сан, Одзи-семпай подбегают к Сео Сидзунэ, которая только что была *скелетом*.

Я смотрю на это холодным взглядом.

— Я была с тобой заодно, потому что ты кое-как видишь будущее. Азака-тян все правильно сказала, все кончилось в момент начала. Ловушкой было само действие постоянного просмотра того, что дальше. Поэтому, чтобы обмануть твой глаз, пришлось с самого начала быть мертвой.

Я не планировала ловушек.

Я изначально не знаю других способов.

Потому что Сео Сидзунэ — редкий, видящий будущее *человек*,

а я — обычная, всего лишь знающая финал этой истории *сценическая установка*.

— Я вспомнила. Это не Рейен десять лет спустя, не мир зомби, не мир летнего домика. Это просто медиазал Рейен. Это мир, где я, Азака-тян, Фуджино-сан, и выпустившаяся и зашедшая присмотреть за нами Одзи-семпай собрались тогда, когда кто-то завел принесенный Азакой-тян кинопроектор.

Медиазал распадается, становится миром после того, как ложь вскрылась, потеряла убедительность, пленка вся промоталась.

Миром белой пустоты экрана.

— Мы просто снимались в полуторачасовой истории. Поэтому ты продолжала смотреть на нас как объектив камеры.

— Да... Но как ты можешь знать, что это была именно я?

— Это же и без слов понятно! Здесь — женская академия Рейен, где собираются девы прекраснее цветов и без парня! Вас, ученицы общей школы, да еще прибравшей к рукам Микию-сан, здесь быть просто не может, Реги Шики-сан!

Надо же. Забавно. Я и сама не заметила, как чуть приподнялись уголки рта.

Наверно, это и называется «победной улыбкой».

Все так забавно, что я достаю катану, чтобы еще поднять градус веселья.

— Эй, чего это она, она же нарывается по полной! Сео, это настоящая Шики?!

— Обе в сторону!..

Асагами-сан подается вперед, защищая их двоих, оседающих под моим давлением.

— Скрутись!..

Беспощадный искажающий мистический глаз. Незримая атака. Я с легкостью рассекаю ее силу по спирали из зеленого и красного, и на выдохе — по шее выступившей вперед Асагами-сан...

— Назад!..

Я думала сделать шаг и отрубить ей голову, но Асагами-сан подхватило что-то такое прозрачное и унесло за пределы досягаемости моего меча. Обидно.

Все-таки убийства следовало начать с Одзи-семпай. Ее феи не умеют атаковать, но когда требуется поддержка по фронту, эту роль они отрабатывают лучше всего. Сама она об этом не догадывается, и я ее за это даже чуточку жалею.

— Спасибо, семпай. Теперь решено. Настоящая эта Реги-сан или как — в данный момент вопрос несущественный.

— Пожалуй. Похоже, что это она — корень всех зол. Однако, Асагами-сан, характер у вас, несмотря на личико, весьма жесток.

— Фуджино просто решительная, семпай... Итак. Почему *оно* в виде Шики? Seriously, к ней же не подойти, и меня это жутко бесит!

— Спроси об этом собственную совесть, Азака-сан. Я — финал. Моя роль — заканчивать историю. Поэтому я вошла в роль самой непобедимой из вас.

— Уф... Д-да, Реги-сан не победить...

— Ага. Единожды впитанный страх так легко не...

— Победить, победить. Я-то всегда могу ее победить!

— Ну да. И насколько она сильна? Расскажи в двух словах.

— Класс редактора, который едва глянул на план аниме-версии и уже требует невозможного.

— То есть даже подступиться нельзя?!

Да, эти девушки — действительно редкостные сценические образы.

Именно поэтому терпеть их не могу.

Я хотела понаблюдать за вами подольше, и мне нет прощения за то, что держала вас в неведении до сих пор.

Но ничего не поделаешь. Я такой создана.

Машина, которая провозглашает финал.

Не вечно вращающий мир, но вечно крутящий драму эпидиаскоп.

Во мне теплится мысль, но я не смогла заполучить этой ослепительной человечности.

Ведь инструменту не нужны людские чувства.

У инструмента должно быть только видение мира в собственной проекции.

Чем больше человеческих мыслей, тем больше неполадок.

Поэтому создавший меня *некто* наверняка бесчеловечен до мозга костей.

— Но одно известно точно. Либо мы завалим ее, либо не проснемся.

Слова Сео Сидзунэ заставляют остальных поднять головы.

Девушки посмотрели на меня, неприступную Реги Шики, и уверенно заулыбались, то ли решившись, а то ли отбросили всякий стыд.

— Окей, вас поняла. Ну что, сделаем ее!..

— Поддерживаю. Сколько можно проигрывать? Это вредно для нервных клеток.

— Мы вчетвером ее остановим. Так?

— Так! Девочки, от винта, патронов не жалеть!

Они встают против меня плотной группой.

Если они опять не смогут меня убить, то придут к такому финалу, где всю жизнь, даже беспокойным духом после смерти, будут прокручиваться внутри меня.

— Да. Скоро рассвет. Победишь ли ты главную героиню на этот раз, Сидзунэ-сан?

Я улыбаюсь. Они тоже улыбаются. Невозможным в реальности единым фронтом они вступают в бой, в котором нет надежды на победу.

Ах, какой восхитительный world's end.

А вот теперь — я тихо... камеру...

■ Финальная запись/

— Эй, долго собираемся спать? Вставайте уже, гусыни.

Что-то тыкается в мой висок!

Тычок в голову чем-то вроде каблука, и я, Сео Сидзунэ, просыпаюсь, на этот раз быстро.

— А?! В-все готово, я все доделала!

Вскидываюсь, решив, что это Тамаки-тян из литкружка требует рукописи, и обнаруживаю себя в темной комнате, купающейся в синем свете.

— Что?..

Странное, темное, но освещенное, противоречивое пространство.

Крутится-стучит старый кинопроектор.

В помещении расставлены несколько стульев, спят на полу Азака-тян и остальные, а у самого проектора стоит с недовольным видом девушка в кимоно, Реги Шики-сан.

— Реги-сан?.. Почему ты здесь?..

— Вообще-то это вы меня позвали на культурный фестиваль. Я прихожу, а вас нигде нет, поубивала бы. Целый день вас искала.

Бурчит, как настоящая Реги-сан.

Мы с ней виделись прошлым летом, а потом познакомились поближе через Азаку-тян.

Несравненная красotka в японской одежде.

— М-м... Мы вообще где?.. Я же вроде... от души вмазала Шики, а потом как-то завертелась в воздухе...

— Ку-ки нагэ... это в айкидо называется «ку-ки нагэ», «воздушный бросок»... Потом Кокуто-сан долетела до нас, как «тэ уракэн»... надо было ловить... ох, не могу вспомнить...

— Нет, Асагами-сан, вы от нее без сожаления увернулись. Кокуто-сан прилетела в стену, вы к ней даже не обернулись и на полную мощь дали по комнате, захватив меня.

Трое спящих на полу — Азака-тян, Асагами-сан, Одзи-семпай — продирают глаза.

Щурясь от света кинопроектора, они осматривают зал, чтобы понять, что происходит, и замечают нас с Реги-сан.

— Шики?! Ты почему здесь?!

— Ох. Спросите Сео. И вообще, Азака, ты эту штуку принесла?

— Эту?.. А, эту!

Азака-тян, Асагами-сан, Одзи-семпай разом смотрят на проектор.

Он запущен, но пленка, да и сама катушка, сняты. Ее держит Реги-сан.

— Это вы его остановили, Реги-сан?..

— Ну да. Кино было отвратное, и я хотела просто выключить, но кнопка питания не работала. Меня достало, и я сняла пленку. Токо была права, дефектная железка.

Да уж, без пленки кина не будет.

Проектор светит на изображение, нанесенное на пленку, и в зависимости от прозрачности участков свет разного цвета и яркости попадает на экран. Пленка сматывается с верхней катушки, а после просвечивания накручивается на нижнюю.

Реги-сан обрезала пленку прямо посреди воспроизведения и вытащила нижнюю часть вместе с катушкой.

— З... значит, мы вырвались?

— Похоже на то. Хотя какая-то неубедительная развязка.

— Простите, а что вообще с нами происходило?

Азака-тян, Асагами-сан и я переглянулись и задумались, какими словами все это описать. Общий смысл был ясен.

Как ни трудно поверить, нас затащило в кинопроектор. Разумеется, не телесно, а ментально, и мы все время были персонажами в кино, которое эта машинка крутила.

— Групповой гипноз, управление электроволновой активностью мозга, эгрегор³... Ну, по сравнению с другими подарочками учителя Токо, тут хоть как-то можно объяснить систему.

Но для нас важно не «как», а «зачем».

По какой причине этот кинопроектор выбрал именно нас?

— Азака, ты правда не знала? Это...

— Это — эпидиаскоп, генерирующий истории. Он импровизирует фильмы, верно?

— Одзи-семпай?

Вдруг мы замечаем, что девушка очень внимательно изучает проектор.

— Так я и думала. Верхняя пленка пуста. С нее ничего не проецировалось. Значит, если проектор крутил кино, то мы сами и создавали эти истории. Страшно даже подумать, зачем это нужно, но мне кажется, что эта машина использует память собравшихся зрителей и создает из нее кинофильмы. Массово производит оригинальное, исходя из понятий вторичного творчества.

— Одзи, ты просто нечто. Как ты с такой проницательностью проиграла Азаке?

Азака-тян недовольно хмурит брови.

— Это была случайность. Видите ли, психические испытания — мое слабое место. Вот если все, на кого я могу положиться, соберутся вокруг, как вот сейчас, мне равных нет. Такая высота базовых параметров и грустная слабость духа в нашей любимой Одзи-семпай связаны неразрывно и навсегда.

— Материал из людской памяти... То есть, мы сами... хотели увидеть те миры?

— Не знаю. Думаю, это не желания, а просто всякие страхи и табу из подсознания. Лично мне вот зомби абсолютно не нравятся.

— А, зомби были по моим заявкам. Знаете, как в «Carry» или «Demon's Souls» шикарно, и экран весь красный?

— А из-за меня был детектив, так что жаловаться не могу, но, пожалуйста, Фуджино, найди себе хобби получше. Хм? Тогда вот это в духе Токива-со было от Сео... нет, Одзи?..

— Г-хм! В общем, Реги-сан, всему виной была эта машина?

— Ага. По словам создателя, это проектор-режиссер, идеальная машина развлечений, творец новой эры скоротечного потребления, которая наступит совсем скоро... ну, таковым он задумывался.

— «Задумывался»?.. Потому что дефектная железка? Потому что она крутит кино снова и снова, пока тела расходуемых на сюжет зрителей не умрут?

— Ну, чего такого в том, что она убивает сюжетный материал? Показывает истории вечно, пока не кончатся зрители. Но она, мол, отказалась от себя.

— Отказалась — от себя?..

— Ага. Сама механически создает истории, но сама же не выносит этой механичности. Ей был дан разум, чтобы она смогла создать счастливое кино, которое понравилось бы всем, но этот разум споткнулся об одно противоречие. «Я запечатлела счастливый мир. Но занавес будет опущен. И, несмотря на счастливый сценарий, мне не изменить того, что этот мир закончится».

Поэтому ее сцена всегда настолько интересна и настолько же печальна?

Эпидиаскоп выдавал грезы для развлечения.

Но они кончаются. Даже самая интересная история — просто кино. А кинолента кончается за 90 минут.

Машина, проецирующая рай, отличный от реальности, с каждой гибелью разрушает прекрасный Эдем.

Как и людская жизнь, прекрасное кино должно закончиться.

³ Эгрегор — душа вещи, ангел, «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающий самостоятельное бытие.

Поэтому проектор и сломался. Потерял азимут на цель. Укрылся от печального конца тем, что, если финал неизбежен, можно хотя бы перейти к следующей истории.

— Столкновение функции и идеалов... Этот проектор с самого начала хотел только заинтересовать нас... то есть не имел команд помимо «заинтересовать».

— Ага. Машинка не смогла смириться с тем, что любая история оканчивается горем. Даже для мечтательного автомата слишком романтично.

Реги-сан вынула из рукава кимоно нож и нацелилась на эпидиаскоп.

Я мельком припоминаю миновавшие концовки.

— Постой...

Да. Реальность всегда печальна.

Мы инстинктивно закрываем глаза на этот факт.

Я, видящая будущее, знаю, что в итоге человеческая жизнь состоит только из грусти.

Но доработать такую жизнь, добавить смеха, кормить иллюзией, что жизнь весела, — не это ли истинный смысл кино?

Чувства той «меня», что с грустью смотрела на погибающий мир возле черного берега, не кажутся мне не моим делом.

— Постой! М-можно я присмотрю за этим проектором?

— Чего?! — с откровенным отвращением оборачивается Реги-сан.

И Азака-тян, и Асагами-сан дикими взглядами смотрят на меня.

— За чем тут присматривать? Это забытая вредной теткой вещь. Она ничья. Она опасна своим существованием, и поэтому я просто ее ломаю.

— Т-тогда поставим предохранитель! Чтобы, к примеру, через три часа автоматически выключал питание!

— Слушай... Если бы можно было так удобно сделать, Токо бы не...

— Но можно ведь. Это же обыкновенный кинопроектор. От батареек, например, он не будет работать вечно.

«Смотрите», — Азака-тян хватается за кабель. Очевиднее некуда — этот проектор воткнут в обычную розетку.

Реги-сан цыкает и разочарованно убирает нож. Видимо, от сожалений об упущенной добыче, она лично и злобно дергает штепсель.

Тук-тук-тук, тук — кинопроектор тихо замирает.

И та, что так долго продолжала вращение, наконец получает отдых.

— Ну, я не возражаю. Но как вы додумались посреди школьного фестиваля сесть смотреть кино?

— Гм, кстати, да, как это мы так, Азака-тян?

— Все началось с Одзи-семпай. Она уже выпустилась, но начала работать интендантом и выкопала среди моих вещей проектор Токо-сан... Принесла его в гостевой дом — давайте, мол, запустим!

— Я... я лишь хотела посмотреть, работает он или нет!

— А-а... Точно. Одзи-семпай, вы же в университете в кинокружок записались? Говорили, что комиксы в прошлом, но хочется оставить какое-нибудь творческое произведение перед погружением в семейную рутину.

— О да, как она радовалась. Терлась о проектор щекой...

— Было бы хуже, отреагируй она как обычно, не распускаясь. Клапаны в мозгу срубят же.

— Я не распускаюсь! И вообще, извольте выбирать выражения, Кокуто-сан! Разве кто-нибудь может проглотить оправдания вроде: «Это старье, оно безвредно», «это просто безделушка», «она школьных правил не нарушает»?!

— Вот именно, Одзи-семпай. Мы над вами не смеемся, мы поддерживаем.

— И это славно.

— Да, это славно.

— У вас нет чувства дежа-вю?

Одзи-семпай краснеет от смущения... то есть от гнева.

Да, ради репутации семпай так и порешим.

— Договорились? Тогда пошли, Одзи. Мы заставляем человека ждать у ворот.

— А? Почему именно я?

— А кто, кроме тебя, может выписать гостевое разрешение? Давай-давай, идем. Отплати мне за спасение.

— Эй!..

Реги-сан хватается Одзи-семпай за руку и тащит за собой.

Я смотрю на них, предвижу будущее через полчаса, и от вида еще большего пандемония не сдерживаю кривой улыбки. Ну а что до того, кто там ждет у ворот... тут и без меня догадаться нетрудно.

— И снова мы против Реги-сан...

— Речь, недостойная леди, Сео-сан.

Асагами-сан улыбается, как мама, отчитывающая малыша-проказника.

Словно подражая ей, моя любимая подруга подмигнула мне знакомым жестом:

— Давайте оставим это в секрете. Во все времена молчание, как и открытый финал, — золото.

/Финальная запись — конец

■ Послесловие

Тогда была осень.

Такая прохладная погодка, когда хочется еще поспать.

Свежо алела опавшая листва.

Это наша частная женская академия Рейен, оторванный от мирского света интернат эпохи Мэйдзи, в котором даже капризное дитя проникается и живет полной жизнью в уютном женском общежитии. Для тех невинных дев из высоких башен, что переспрашивают, а не станут ли они успешнее, если придут сюда и станут редким видом девушек, это — исполненная захватывающей романтики, всепогодная и автономная крепость. В сюжете было столько жути, но правды там не более десятой доли, и всем первогодкам можно не волноваться.

Пролетело время, и вот — культурный фестиваль третьекурсниц старшей школы. Эту серию с нерегулярными публикациями решено было напечатать отдельным томом в духе праздника закрытия. До сих пор каждый учебный год я собирала бродящие по слухам в каждом из кружков «семь загадок», но на сей раз фабула в основном включает в себя события, имевшие место со мной, писательницей, и моими подругами, которые я постаралась изложить в художественном формате. Что из этого правда, а что вымысел, я призываю убедиться на собственном опыте всех, кто в дальнейшем будет учиться в академии Рейен. Однако при использовании гостевого дома никогда не селитесь там ввосьмером. Если не забудете про это, я могу обещать вам непередаваемую ночь.

Итак, теперь — к личному сообщению.

Жизнь в Рейен, которая при поступлении казалась мне безграничной, подошла к концу. Шесть лет со средней школы. Время эмоционального роста я провела вместе с этой академией.

Настала пора так надолго прощаться и с несвободной жизнью здесь, и с подругами, которых я не повстречала бы нигде больше, и с восхитительными сестрами-монашками. Может быть, я еще загляну в свою родную школу, но времена, когда я могла пересмеиваться с другими, будучи частичкой этого замкнутого Эдема, уже не вернутся. Сейчас я чувствую страшную грусть и гордость.

Я тоже пройду через этот финал взросления, который вкусили столь многие старшеклассницы.

В летописях эта последняя боль из истории о нас не остается.

Это тоже своего рода world's end.

Плачь или смейся — финал неотвратим.

Но мир все-таки продолжится, некогда закрывать глаза.

Пусть многое останется в прошлом — я прикинусь сильной, я скажу: «Ке сера, сера»⁴, — и взойду на следующую сцену; а если сумею встретить свое счастье — тогда я хочу, чтобы ты рассказала мой радостный финал. Наверное, его сразу позабудут, но вдруг среди зрителей встретится хоть один человек, который запомнит мою историю навсегда.

Напоследок я хочу поблагодарить:

— Тамаки Дзеси — главу литературного кружка, которая дала мне шанс написать эту книгу;

— леди А, которая до самого конца помогала мне;

— подруг, которые позволили мне использовать эпизоды из их жизни;

— леди F за редакторское содействие;

⁴ «Будь что будет».

— леди М-семпай, которая поднесла мне чашку горячего кофе, когда незабываемой зимой первого года я в женском туалете едва держала ручку в дрожащей от холода руке.

Посвящаю эту книгу себе, подругам и тем девушкам, которые живут в проекторе и по сей день.